

отношения), кого захватит в плен — для выкупа... Теперь зась сущия, работают день и ночь, ожидая ревизии, согласно Духу XIX века: открытия следуют за открытиями: там растратены суммы, здесь открывают целые шкафы недоложенных и утаенных дел; тут настоящие разбои и грабежи властей».

Недолго выдержал В. М. Жемчужников это болото — бежал, Барон Штакельберг, Гюббенет, Анисиков последовали его примеру⁷⁸.

В. А. Арцимович, много потрудившийся на пользу края и оставивший по себе теплую память, вел неустannую борьбу с учреждениями и лицами, тормозившими ход дел по управлению губернию, и не раз порывался покинуть все...

А потому читатель мой, ознакомившись со всем сообщенным мною выше, поймет, как неудержимо меня, 23-летнего юношу, тянуло подальше от этого «темного царства», туда, где была жизнь здоровая, прогрессирующая, где, я надеялся, можно будет работать, принося пользу моей отчизне, не растративая беспечно и бесплодно своих сил и энергии... Я решил бесповоротно покинуть Семипалатинск.

Смерть Исаева. — Заботы Достоевского о Марии Дмитриевне. — Мой отъезд из Семипалатинска. — Разлука с Достоевским

Еще в половине августа, находясь по делам службы в Бийске, я неожиданно получил очень возбужденное письмо от Достоевского. Он извещал меня о смерти Исаева. Все письмо дышит самой трогательной заботливостью о Марии Дмитриевне. Помещаю его в подлиннике.

Семипалатинск, 14 августа 1855 г.

С первого же слова прошу у вас извинения, дорогой мой Александр Егорович, за будущий беспорядок моего письма. Я уже уверен, что оно будет в беспорядке. Теперь два часа ночи, я написал два письма. Голова у меня болит, спать хочется и к тому же я весь расстроен. Сегодня утром получил из Кузнецка письмо Бедный, несчастный Александр Иванович Исаев скончался⁷⁹. Поверьте, как мне жаль его, как я весь расстроен. Может быть я только один из здешних и умел ценить его. Если были в нем недостатки, наполовину виновата в них его черная судьба. Желал бы я видеть, у кого бы хватило терпения при таких неудачах? Зато сколько доброты, сколько истинного благородства. Вы его мало знали. Боясь, не виноват ли я перед ним, что подчас, в желчную минуту, передавал вам и, может быть, с излишним увлечением, одни только дурные его стороны. Он умер в нестерпимых страданиях, но прекрасно, как дай Бог умереть и нам с вами. И смерть красна на человеке. Он умер твердо, одаренный⁸⁰ жену и детей⁸¹ и только томясь об их участии. Несчастная Мария Дмитриевна сообщает мне о его смерти в малейших подробностях. Она пишет, что вспоминать эти подробности — единственная отрада ее.

В самых сильных мучениях (он мучился два дня) он призывал ее, обнимал и беспрерывно повторял: «Что будет с тобою, что будет с тобою?» В мучениях о ней он забывал свою болезнь. Бедный! Она в отчаянии. В каждой строке письма ее видна такая грусть, что я не мог без слез читать, да и вы, чужой человек, но человек с сердцем, заплакали бы. Помните вы их матушки, Пашу? Он обезумел от слез и от отчаяния. Среди ночи вскакивает с постели, бежит к образу, которым его благословил отец за два часа до смерти, сам становится на колени и молится, с ее слов, за упокой души отца. Похоронили бедно, на чужие деньги (найдлись добрые люди), она же была как без памяти. Пишет, что чувствует себя очень нехорошо здоровьем. Несколько дней и ночей сряду она не спала у его постели. Теперь пишет, что больна, потеряла сон и ни куска съесты не может. Жена исправника⁸² еще одна женщина помогает ей. У нее ничего нет, кроме долгов в лавке. Кто-то прислал ей три руб. сер. «Нужда руку толкала принять», — пишет она, — и приняла... подаяние».

Если вы, Александр Егорович, еще в тех мыслях, как несколько дней тому назад, в Семипалатинске (я уверен, что у вас благородное сердце и вы от добрых мыслей не отказываетесь из-за какой-нибудь пустой причиной, совершенно не идущей к делу), то пошлите теперь, с письмом, которое я прилагаю от себя к ней, ту сумму, о которой мы говорили. Но повторяю вам, любезнейший Александр Егорович, — я более чем когда в мыслях считать все эти 75 руб. (прежние) моим долгом вам. Я вам отдам непременно, но не скоро. Я знаю очень хорошо, что ваше сердце само жаждет сделать доброе дело... Но рассудите: вы их знакомый недавний, знаете их очень мало, так мало, что хотя покойный Ал. Илья и занял у вас денег на поездку, но предлагать вам сей от себя — тяжело. С своей стороны я пишу ей в письме моем всю готовность вашу помочь и что без вас я бы ничего не мог сделать. Пишу это не для того, чтобы вам была честь доброго дела, или чтоб вам были благодарны. Я знаю: вы, как христианин, в том не нуждаетесь. Но я-то сам не хочу, чтоб мне были благодарны, тогда как я того не стою, ибо взят из чужого кармана, и хоть постараюсь отдать вам скорее, — но взял почти-то на неопределенный срок.

Если намерены послать деньги, то положите их в мое письмо сей, которое при сем прилагаю (незапечатанное). Очень было бы хорошо от вас, если бы вы написали сей хоть несколько строк. Положим, вы были очень мало знакомы. Но он остался вам должен; теперь она знает, что вы дали мне деньги, и потому написать есть случай, даже бы надо было, — как вы думаете? Немного, несколько строк. Но Боже мой! Я, кажется, вас учу, как писать. Поверьте мне, Александр Егорович, я очень хорошо знаю, что вы понимаете, может быть, лучше другого, как должно обходиться с человеком, которого пришлось одолжить. Я знаю, что вы с ним удовите, утешите, утешившись с человеком одолженным надо поступать осторожно; он митрополит; ему так и кажется, что небрежностью с ним, фамильярностью хотят его заставить заплатить за

одолжение, ему сделанное. Все это вы знаете так же, как и я; если Бог дал нам смысл и благородство, то мы иначе и не можем быть. NobJesse oblige*, а вы благородны, это я знаю.

Но я знаю, тоже по вашим словам, что ваш хождение не совсем исправен в эту минуту. И потому, если послать не можете, то и моего письма к ней не посыпайте, а после возвратите мне. Меня же, сделайте мне милость, уведомьте с первой почтой, послали вы письмо или нет?

Он вас вспомнил при смерти. Кажется, так было, что он (его слова) «не смел и думать предложить вам взамен долга, но просит передать вам книгу, в память о себе». Столичников Александра помните это богатое издание⁴³; он получил его из Петербурговска, где оставил. Вам книгу пришлют.

Пишу к вам в Барнаул, по адресу, который вы мне дали, а еще не знаю, в Барнауле ли вы? Кажется, вы написали тогда, что писать в Барнаул надо после 23-го числа. Посыплю на авось через Крутову⁴⁴. Хорошо ли через Крутову? Напишите мне. Что вы подельваете, весело ли вам? Клучу, травка да я слышал (впрочем, уже не раз), что т-ле А...⁴⁵ выходит замуж!

Если будете посыпать деньги, не мешкайте. Уж, конечно, никогда не может быть более затруднительного положения, как теперь.

Не знаю, застанет ли вас это письмо в Барнауле и не пролежит ли до вашего приезда. Пишу к Марье Дмитриевне с этой же почтой другое письмо, которое посыпаю завтра, на ура! Посыплю вам тоже вашу субботнюю корреспонденцию. Я распечатал письма, как вы говорили. Если Крутов завтра успеет принести и понедельничные письма, то вложу их.

До свиданья. Смерть голова болит. Я так расстроен. Перо в руках не держится. Обнимаю вас от души.

Ваш Достоевский.

Читая письмо, я был растроган таким сердечным отношением Ф. М. к вдове Исаева.

Второе письмо Достоевского по этому же поводу, уже на возвратном пути, я нашел в Барнауле, вот и оно:

Семипалатинск, воскресенье 23 августа 1855 г.

Дорогой и добрейший мой Александр Егорович.
Вот и второе письмо пишу вам. Желал бы очень получить от вас хоть две строчки, что вы верно и сделаете, т. е. пришлете. Желал бы тоже пожать вам руку. Скучно! А кругом все так плохо и людей нет. Я почти никуда не хожу. Знакомиться терпеть не могу. Право, на каждого нового человека, по-моему, надо смотреть как на врага, с которым придется вступить в бой. А там его можно раскусить. Что-то вы подельваете и весело ли вам? В Барнаул-

Благородство облизывает (ф.).

ли вы? Я рискнул и на прошлом письме поставить: в Барнаул, хотя, помнится, вы говорили, что в Барнауле будете только после 23-го. Но Бог знает, в Барнауле ли вы и теперь? Теперь позвольте мне извиниться перед вами: свои-то письма я вам пересыпал и теперь посыпаю, а ваши поручил Демчинскому. Пересыпать же их мне самому трудно, и по весьма простой причине: толстый пакет, застрахованный на почте, будет очень дорого стоить, а у меня, с позволения сказать, ни полушки денег. И потому пусть пересыпает Демчинский.

На случай, если вы не получите того письма, которое я отправил вам неделю назад, в Барнаул, по адресу, указанному вами (хотя, впрочем, трудно не получить), то извещаю вас, что Ал. Ив. Исаев умер (4 августа), что жена его осталась одна, сомнительною помощью, в отчаянии, не зная что делать, и — конечно, без денег. Сегодня получил от нее уже 2-е письмо, считая после смерти мужа. Она пишет, что ей страшно грустно, что кругом послал Бог людей, берущих участие, что ей хоть кой-чем да помогают, что ей очень грустно, спрашивает, что ей делать? Пишет, что стряпчий и исправник обнадеживают ее, что Бекман⁴⁶ может дать пособие казенное (в 250 руб. сер.). Если что можно сделать, то дал бы Бог. Покамест хочет продавать вещи. Если вы еще не раздумали (как мы говорили тогда) о посылке 50 руб., то пошлите теперь. Никогда не было нужнее. Только я так думаю: пошлите 25, а не 50, так как у нее с прежними 25-ю да с продажею вещей, да, может быть, и с посторонней помощью будет чем некоторое время прожить. Можно потом послать. Пишу это, во-1-х, для того, чтобы не обременять вас, ибо 25 менее 50, а вам, верно, деньги необходимы. Во-2-х, мне уж и так досталось от нее за первые 25. Очень укоряла, говоря, что у меня самого нет ничего и что я себя не жалю. Я отвечал, что деньги ваши а не мои, что без вас я ничего бы не сделал, чтоб обо мне не беспокоилась, что дружба имеет свои права и т. д., и что, наконец, без этих денег ей пришлось бы потерпеть ужасное горе — с этим она, верно, согласится. Я вам покажу письмо, когда вы приедете. Боже мой! Что это за женщина. Жаль, что вы ее так мало знаете.

Еще одно обстоятельство. Она знает, что я присланы деньги, подозревает, что от меня, но письмо лежит до сих пор на кузнецкой почте. Почтмейстер ни за что не решается отдать, хотя знакомый ей человек, чтоб не попасть в беду. Виноват адрес. Вы правы. Надо было адресовать ей. Адресовано мужу. Он умер. И потому почтмейстер, уверенный, что пишете вы, просит передать вам, чтоб вы в кузнецкую почтовую контору прислали казенную или частную доверенность на передачу письма вдове Исаевой. Ради Христа, добрейший Александр Егорович, сделайте это и, главное, не медля. Ради Бога. Известна ли вам форма этих доверенностей? Я не знаю ее. Вероятно, в Барнаульском почтамте есть форма. Ведь, вот искатели-то формалист кузнецкий почтмейстер.

Что вам сказать о себе? Мое время тянется яело. Не совсем здоров, грустно. Из новостей ничего не знаю, кроме того, что

(и, кажется, верно) китайцы сожгли нашу факторию в Чутучаке и консул спасся бегством. Желал бы от души, чтоб вам было в 10.000 раз веселее моего. Если во время ваших странствований попадется вам хорошая книга, то запечите ее с собой. До свидания, Александр Егорович. Желаю вам всего хорошего, и от души. Повторяю вам о почтамте. Ради Бога не замедлите. Кренко жму вам руку.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Я и ее уведомил, что вместо 50 посыпаются 25. Хочет вас благодарить. Напишете ли вы ей что-нибудь?

Привязанность Достоевского к Исаевой всегда была велика, но теперь, когда она осталась одинока, Ф. М. считает прямо целью своей жизни изечение о ней и ее сироте Паше. Надо знать, что ему хорошо было известно в то время, что Марии Дмитриевне нравится в Кузнецке молодой учитель В., ее поклонник мужчина, личность, как говорили, совершенно бесцветная. Я это не знал и никогда не видел. Не чуждо, конечно, было Достоевскому и чувство ревности, а потому тем более нельзя не преклоняться перед благородством его души: забывая о себе, он отдавал себя всему заботам о счастьи и спокойствии Исаевой.

А как тягостно было его состоянию духа, удрученное желанием устроить Марию Дмитриевну, видно из его писем; например, вот несколько строк из письма Достоевского Майкову от 18-го января 1856 г. *:

«Я не мог писать. Одно обстоятельство, один случай, долго медливший в моей жизни и, наконец, посетивший меня, увлек и потряс меня совершенно. Я был счастлив, и не мог работать. Потом грусть и горе посетили меня» ⁸⁷.

Да и все письма ко мне Достоевского, после моего отъезда из Семипалатинска, в этот период его жизни переполнены тревогой о Марии Дмитриевне (письма эти помещаются ниже). Он доходил до полного отчаяния. 13-го апреля 1856 года он пишет мне, в каком грустном, ужасном положении он находится; что если не получит от брата нужные для поездки в Кузнецк 100 рублей, то это доведет его до «отчаяния». «Как знать, что случится». Надо подыграть, он намекает на нечто трагическое, а что он допускал исход в подобных случаях трагический — возможно предполагать: не раз на эту тему бывали у нас с ним беседы, и в письме ко мне от 9-го ноября 1856 года он говорит: «Тоска моя в последнее время о вас возросла до невиданной (и в последнее время сверт того и часто болен). Я и вообразил, что с вами случилось что-нибудь трагическое, вроде того, о чем с вами когда-то говорили». В письме ко мне от 13 апреля 1856 года он прибавляет: «Не для меня

прошу, мой друг, а для него, что только теперь есть у меня самого дорогого в жизни».

В письме от 23-го мая 1856 года он пишет: «Мои дела ужасно плохи, и я почти в отчаянии. Трудно перестрадать, сколько я перестрадал». В письме от 14 июля 1856 г.: «Я как помешанный... теперь уж поздно». В письме от 21-го июля: «Я трепещу, чтобы она не вышла замуж... Ей Богу — хоть в воду, хоть вино начать пить».

*Если бы вы знали, как я теперь нуждаюсь в вашем сердце. Так бы и обнял вас, и, может быть, легче бы стало. Так нечносило грустно. Я хоть и знаю, что если вы не приедете в Сибирь, то, конечно, потому, что вам гораздо выгоднее будет остаться в России, но прощите мне мой эгоизм. И сплю и вижу, чтобы поскорее увидеть вас здесь. Вы мне нужны, так нужны! ..

Какая высокая душа, незлобивая, чуждая всякой зависти была у Ф. М., судите сами, читая сто заботливые хлопоты о своем сопернике — учителе В. В одном письме ко мне, о котором упоминает Орест Миллер в своем сборнике и которое затеряно, Достоевский пишет: «на казеных готов за него (за учителя В.) просить. Теперь он мне дороже брата родного, не грешно просить, он то стоит... Ради Бога сделайте хоть что-нибудь — подумайте, и будьте мне братом родным». Много ли найдется таких самоотверженных натур, забывающих себя для счастья другого.

Но вот 21 декабря 1856 года судьба наконец удлынулась Федору Михайловичу. В письме от 21 декабря 1856 г. Достоевский пишет мне: «Если не помешает одно обстоятельство, то я, до масленицы, женюсь. — Вы знаете, на ком. Она же любит меня до сих пор... Она сама сказала мне: — да. То, что я писал вам об ней летом, слишком мало имело влияние на ее привязанность ко мне. Она меня любит. Это я знаю наверно. Я знал это и тогда, когда писал вам летом письмо мое. Она скоро разуверилась в своей новой привязанности... Еще летом, по письмам ее, я знал это. Мне было все открыто. Она никогда не имела тайн от меня. О! Если бы вы знали, что такое эта женщина...»

Так благополучно наконец завершился роман Достоевского, который захватил его всецело, стоны ему бессонных ночей, тревоги, здоровья и денег, но... слава ли дал ему настоящее счастье.

Теперь, покончив с этим романическим эпизодом в жизни Достоевского, перейду к последним дням моего сожительства с ним.

Я ездил, как уже выше упоминал, осенью в Барнаул, чтобы осмотреться, как устроиться и куда бежать из Семипалатинска. Мне предлагали очень хорошее место в самом Барнауле, по министерству юстиции. Зазывал меня и Гасфорд в Омск, дороживший службой у себя петербургской молодежи. Тянуло меня и в Иркутск к Н. Н. Муравьеву (внебрачному графу Амурскому), который в это время боролся с англичанами и французами и водружал русский стяг на берегах Великого Океана. Он создал там русскому государству всемирный водяной путь и клал начало русской колонизации. Но, после долгих размышлений, я решил наконец

* См.: Биография, письма к заметки из записной книжки Достоевского. Сборник, составленный Орестом Миллером и И. И. Страховым (приложение А. Е. Врангеля).

прежде всего побывать в Петербурге, повидать родных и семью свою и тогда предпринять что-нибудь окончательное. И вот я обратился к министру юстиции графу Панину с просьбой разрешить мне четырехмесячный отпуск.

А бедный Ф. М. сильно хандрил и скучал в одиночестве. Вот что писал он мне 23 августа 1855 года:

«Скучно. Знакомиться терпеть не могу. Право, на каждого нового человека, по-моему, надо смотреть как на врага, с которым придется вступить в бой. А там его можно раскусить».

Вернувшись в Семипалатинск из Барнаула, я нашел Достоевского осунувшимся, похудевшим, грустным, совсем убитым. С моим приездом Ф. М. приободрился, но мне пришлось это оторчить, сообщив ему о моем скором отъезде из Семипалатинска.

Последние дни перед отъездом проходили быстро. В конце октября я собрался в путь, и Финн все со мною не расставался, помогал мне укладываться... оба мы были в грустном, тревожном состоянии. Невольно набегала мысль... увидимся ли?

Мы оба, смею думать, а эти два года тесно сжились, полюбили друг друга, привязались, делили радости и горести сибирской жизни, выкладывали, как говорится, друг другу душу. А как это дорого в тяжелые минуты оторванности от всего дорогого, как облегчает это — поймет всякий, кому случалось быть в таких условиях.

И вот, действительно, по отъезде моем он пишет мне ряд дружеских, трогательных писем, он томится в одиночестве. В письме ко мне от 21 декабря он пишет:

«Хочу говорить с вами по-прежнему, как в Семипалатинске, когда вы были для меня всем! и другом и братом, когда мы оба делили друг с другом свои заботы сердечные».

Жутко мне было покидать страну.

Я был молод, здоров, полон розовых надежд.

А он?.. он, этот Богом отмеченный великий талант, вовсю судеб оставался здесь, в этих дебрях, бессрочным солдатом, заброшенный, больной, одинокий, без споры, без слова сочувствия, лишаясь во мне последнего друга! От всей души мне было жаль его...

Но... , настал и час моего отъезда.

Уже смеркнулось.

Вышел Адам, забрал чемоданы, мы обнялись, крепко-крепко. Расцеловались и дали слово друг друга не забывать. Как умел, старался я его ободрить и обнадежить.

Оба мы, как и в первое свидание, прослезились.

Усевшись в кибитку, обнял в последний раз мосто бедного Друга.

Ямщик дернул вожжи, рванулась вперед моя троих... и поскакала.

В оглянулся синяя птица мозаїк в всіческим тракті єдні віднісся

понурая фигура Достоевского.

Я мчался... куда? .. на что? ..

Не раз думы мои возвращались в Семипалатинск, в унылую избушку покинутого друга.

Но Бог милостив, думал я со свойственным молодости оптимизмом и мчался дальше и дальше, по необозримой степи, необозримой и таинственной, как ожидающая судьба нас обоих. Много лет спустя Достоевский вспоминал этот вечер в письме ко мне из Твери от 22 сентября 1889 года:

(Письма Ф. М. Достоевского)
к барону А. Е. Врангелю

Семилазинск, пятница 23 марта 1856 г.

Добрейший, незаменимый друг мой, Александр Егорович! Где вы, что с вами? И не забыли ли вы меня? С следующего понедельника начинаю ждать от вас обещанного письма, с таким нетерпением, как будто счастья и осуществления всех настоящих надежд моих. Под этим конвертом найдете вы незапечатанные три письма: одно к брату, другое к ген.-ад. Эдуарду Ивановичу Тотлебену. Не удивляйтесь! Все расскажу. А теперь приступаю прямо по порядку и начинаю с себя. Если б вы только знали всю мою тоску, все мое уныние, почти отчаяние теперь, в настоящую минуту, то, право, поняли бы, почему я ожидаю вашего письма, как спасенья! Оно должно многое, многое разрешить в судьбе моей³⁹. Вы обещали мне написать в возможно скором времени по прибытии в Петербург и уведомить о всем том, чего я надеюсь и о чем вы так братски хлопотали за меня целый год, — откровенно, не утаивая ничего, ис прикрашивая истину и отнюдь ис обнадеживая меня штуками надеждами. Таких-то известий жду от вас, как жизни. Не показывайте моего письма никому, ради Бога. Уведомляю вас, что дела мои в положении чрезвычайном⁴⁰.

Мои надежды, дорогой, бесценный И., может быть, единственный друг мой, вы чистое, честное сердце — мои надежды. — Выслушайте их. Как и я думаю, они мне кажутся довольно ясными. Во-первых неужели не
заключение миша

и ожидало от вас теперь с судорожным нетерпением. Во-2-х) положим то еще в области надежд; но неужели нельзя мне перейти из восиной в статскую и перейти в Барнаул, если ничего не будет другого по манифесту? Ведь Дуров перешел же в статскую. В-3-х) долго ли я буду без чина? Как вы думаете? Неужели будет заперта моя карьера? Такие ли преступники, как я, получали все? Не верю я тому! Верю, что через 2 года, если даже теперь ничего

Хочу формально просить печатать. Если позволят, то я на всю жизнь с хлебом. Теперь не так, как прежде, столько обделанного, столько обдуманного и такая энергия к письму! Надеюсь написать роман (к сентябрю) получше «Бедных людей». Ведь если позволят печатать (а я не верю, слышите: не верю, чтоб этого

нельзя было выхлопотать), ведь это тут пойдет, книга раскупится доставит мне деньги, значение, обратит на меня внимание правительства, да и возвращение придет скорей. А мне что надобно: 2, 3 тысячи в год ассигнациями. Что ж этого мало, что ли, для содержания нашего? Тогда через два возвратимся в Россию, она будет жить хорошо; и даже, может быть, наживем что-нибудь. Ну, неужели, имея столько мужества и энергии в продолжение 6-ти лет для борьбы с неслыханными страданиями, я не способен буду достать столько денег, чтоб прокормить себя и жену. Вздор! Ведь главное, никто не знает ни сил моих, ни степени таланта, а на это-то, главное, я и надеюсь. Наконец последний случай: ну,

для начала на новом поприще, не говоря о браке; я уверен, что ласт. Ну, неужели не проживем на это год! А там дела уладятся. Наконец, я могу напечатать *incognito* и все-таки взять деньги. Поймите же, что все эти надежды только в том случае, если *Нищее лето ничего не будет (манIFEST)*⁹⁵. Александр Егорович, душа моя! Если бы вы знали, как жду письма вашего! Может быть, в нем есть положительные известия.

Но понимаете, в каких я теперь хлопотах! Есть у меня до вас много просьб: ради Христа исполните все. 1-я просьба: вы найдете тут письмо к Эд. Ив. Тотлебену. Вот до *Маркет-Казанского исклучающаго* человеком, когда-то я был знаком хорошо; с братом его я друг детства ⁹⁶. Еще за несколько дней

встретился с ним, и мы так приветливо подали друг другу руки. Что же? Он, может быть, не забыл меня. Человек он добрый, простой, с великодушным сердцем (он это доказал), настоящий герой севастопольский, достойный имен Нахимова и Корнилова. Снесите ему мое письмо. Прочтите его сначала хорошенько. Вы, верно, заметите по тону моего письма к нему, что я колебался и не знал, как ему писать. Он теперь стоит так высоко, а в кто такой? Захочет ли вспомнить меня? На всякий случай я и написал так. Теперь: отправьтесь к нему лично (надеюсь, что он в Петербурге) и отдайте ему письмо мое наедине. Вы по лицу его тотчас увидите, как он это принимает. Если дурно, то и делать нечего; в коротких словах объяснив ему положение и замолив словечко, откланийтесь и уйдите, попросив наперед у него насчет всего этого дела секрета. Он человек очень вежливый (несколько рыцарский характер), примет и отпустит вас очень вежливо, если даже и ничего не скажет удовлетворительного. Если же вы по лицу его увидите, что он займется мною и выкажет много участия и доброты, о, тогда будьте с ним совершенно откровенны; прямо, от сердца войдите в дело; расскажите ему обо мне и скажите ему, что его слово теперь много значит, что он мог бы попросить за меня у Монарха, поручиться (как знающий меня) за то, что я

прощал буду вперед хорошим гражданином, и, верно, сму не откажут. Несколько раз по просьбе Паскевича ⁹⁷ Государь преступников поляков. Тотлебен теперь в такой милости, в такой любви, что, право, его просьба будет стоить Паскевичевой. Вообще же я во многом надеюсь на вас. Вы скажете горячее слово, я уверен. Ради Бога не откажите мне в этом. Напишите, собственно, на то, чтобы мне оставить военную службу (но главное, если можно чего-нибудь более, т. е. даже полного прощения, то не упускайте этого из виду). Нельзя ли, например, уволить меня с правом поступления в статскую 14-м классом и с возможностью возвращаться в Россию, а главное печатать? Вообще прочтите внимательно мое письмо к Тотлебену⁹⁸.

Нельзя ли будет пустить в ход стихотворение ⁹⁹, у читал я газетах, что на обеде Майков говорил ему стихи ¹⁰⁰. Он с ним? Если так, то расскажите все Майкову, под секретом, и попросите, чтоб и он попросил за меня Тотлебена и отправился бы к нему вместе с вами. Не встретите ли как-нибудь младшего брата Тотлебена, Адольфа. Тот мне друг. Скажите ему обо мне, и тот бросится на шею к брату и будет умолять его хлопотать за меня. Само собой разумеется, вы мое письмо к Тотлебену запечатайте в конверт и так подайте. Мне же как можно скорее привезите уведомление обо всем этом, *хорошо* ¹⁰¹ ли *плохо* ¹⁰² ли *среди* ¹⁰³ ли *свое* ¹⁰⁴ Но вот беда: чтоб Lamotte ¹⁰⁵ не уехал к тому времени

Он поедет на месяц. Я думаю, не уедет! Кажется, наверно так. Поторопитесь отвечать мне. Боюсь еще одного: хорошо ли, например, принял письмо мое князь *Обоев(ский)*¹⁰⁶, обескуражены ли вы и, может быть, нехороши пойдете к Тотлебену. Ангел мой! Не оставляйте меня, не доводите меня до отчаяния!

2-я просьба: Напишите мне подробно и скорее: как вы нашли моего брата? В каких он мыслях обо мне. Прежде это был человек меня любивший горячо! Он плакал, прощаюсь со мною. Не охладел ли он ко мне? Не изменил ли характера? Как грустно было бы мне это! Не обратился ли он весь в наживу денег и забыл все старое? Не верится мне как-то этому. Но опять: чем же объяснить, что он не пишет иногда по 7 и по 8 месяцев, пишет Бог знает что, даже в бесцензурном письме с Хоментовским ¹⁰⁷ отвечал ничего на мои вопросы, и так мало я вижу прежнего, задушевного! Никогда не забуду, что он сказал Хоментовскому, передавшему ему мою просьбу похлопотать за меня: что мне лучше оставаться в Сибири. В декабре мы писали (помните, через вашего брата), и просил денег, прося их выслать на Ламота. Вы знаете, как я нуждался! Что ж, ни слуху ни духу! Я понимаю, что он может их не иметь, ибо он торгует, но в крайних случаях спасают человека. Притом же недолго я буду у них на шее и все отдаю. Притом же и прошу то его о деньгах, помня стоя же слова при прощании с мною. В письме к нему, здесь приложенному ¹⁰⁸, речь о его кроме тех 100 руб. выслать мне еще, сколько может больше. Мне нужно это на всякий случай (если бы я получил свободу, то тотчас же поехал бы в Кузнецк, а без денег этого сделать нельзя).

Кроме того, если уедет она в Барнаул, уговорю ее принять от меня). Я всего вам не могу написать, но мне нужны, нужны деньги до зарезу; один раз в жизни они только так бывают нужны: 300 р. сереб. спасли бы меня. Но даже 200 и то хорошо, включая сюда те 100, которые уже я просил в декабре. Разумеется, я это вам пишу как другу, а вы не вздумайте сами чем-нибудь помочь! Я и то перед вами *подлецом*, должен вам пропасть! Во всяком случае, перечтите мое письмо к брату. Этого, что теперь пишу к вам, ему не показывайте. Но и его отсылаю за пояснениями к вам: расскажите ему все. Что если он, подобно всевозможным дядюшкам и родным в романах, сердится на любовь мою к ней и отговаривает вас помогать мне! Но ведь мне 35 лет. Что он думает? Что я его люблю из-за денег, которые он мне присыпает. Вздор! У меня гордость есть. Я буду есть один хлеб и погибнем я и она, но не ищобно мне от него денег, посланных с таким чувством. Не хочу *подаяния!* Мне нужно брата, а не денег! Мы с ним когда-то и вздорили, но горячо любили друг друга, и, клинусь вам, я бы голову за него отдал. У меня дурной характер, но когда дойдет до дела, тогда я стою за друзей. Когда нас арестовали, то уж тут, кажется бы, в 1-ю минуту ужаса, позволятельно бы подумать прежде всего о себе. Что же? Я *ухамал* только ~~один~~^{один} ~~хану~~^{хану} как паразит арест его семьи¹⁰⁵.

и умолял 3-го моего брата, которого арестовали ошибкой¹⁰⁶ объяснить ошибки арестовавшим как можно долее и послать денег брату, полагая, что у него нет. Неужели он забыл все старое и рассердился на то, что я прошу много денег и когда? Когда для меня самый критический момент всей жизни. Напишите, как он принял вас, как вы его нашли (откровенно напишите его образ мыслей *обо всем этом деле*) и склоняйте только своего золотого сердца, добрейший друг: да будьте пооткровеннее с Майковым на мой счет. Это превосходный человек и меня любит. Разумеется, просите держать все в секрете. 3-я просьба. Ради Бога *поймите* меня, помогайте мне, не думая, что я чем-нибудь могу повредить своей карьере мою любовью к ней... Я уверен, что могу прокормить семью. Я буду работать, писать. Ведь если не будет теперь никаких даже милостей, все-таки можно будет перейти *главвраческую*, взять 14-й класс поскорее, получать жалование, и я могу печатать, даже *исходя* печатать. Буду с деньгами! Наконец, ведь это все не сейчас, а к тому сроку дело уладится. Наконец: ради Христа уведомьте меня обо всем ходе дел моих как можно подробнее и поскорее; в этом полагаюсь совершенно на вас. Уговариваите брата помочь мне, действуйте перед ним как ходатай *за* меня. Внушите, что я только *осчастливлю* себя браком с ним, что нам не так много надо, чтоб жить, и что у меня достанет *энергии* и силы, чтоб прокормить семью. Что если позволят писать и печатать, тогда я спасен, что я не буду им *накануне* *жажды*, не буду просить *подсобы* мне. И *заранее* *сейчас же* я жениюсь, и *внту* *чего-нибудь* *избеченнного*. Она же сейчас *подождет*, только бы имела надежду на верное устройство

судьбы моей. Скажите тоже, что мне 35 лет и что во мне благородия хватит на 10-х. Прощайте, дорогой мой, голубчик мой!

Да, забыл! Ради Христа поговорите с братом о денежных делах моих. Уговорите его помочь мне последний раз. *Поймите*, в каком я положении. Не оставляйте меня. Ведь такие обстоятельства, как мои, только раз в жизни бывают. Когда же и выручать друзей, как не в такое время. Обнимаю, целую вас. Что ваши дела? Ведь я *ничего-то* об вас не знаю! Жду с нетерпением письма от вас. С сожалением кончу письмо; теперь опять я один с моими сомнениями и отчаянием.

Семипалатинск, 13 апреля 1856 г.

Спешу вам ответить на ваше милое, добрейшее письмо, добрый друг мой, которое вы мне написали 12-го марта и которым я был обрадован третьего дня. А я так нетерпливо ждал от вас известия. Но в последнее время и надеяться перестал на скорое получение, ибо Демчинский, приславший недели 2 тому из России, говорил, что вы промешкали в Казани, а потом сюда писали из Москвы (Спиридонову), что вы только день или два пробыли в Москве и отправились уже 9-го марта в Петербург. По всем этим суждам я и рассчитывал, что получу, самое раннее, на Святой¹⁰⁷ *Ильин* получил раньше! Вы не поверите, как вы меня обрадовали и как мне *нужно* было ваше письмо. А в том, что я его получу от вас, в уверенности, что вы меня не забудете и будете *старатся* обо мне — в этом у меня и мысли не было усомниться, подумать, что вы меня забудете. Я знаю вас, добрейшее, благороднейшее сердце, и не даром же я вас так любил. Вы не поверите, в каком положении я был все это последнее время... Но об этом потом, а для порядка начну сначала с вашего письма, добрейший мой Александр Егорович¹⁰⁸.

Пишете вы, добрейший и незабвенный друг мой, что в июле рассчитываете быть в Сибири и проехать через Семипалатинск. Вы не поверите, как я обрадовался, что вы не переменили своих намерений и хотите возвратиться в Сибирь, а к зиме даже расположаете устроиться в Барнауле. Я буду вас ждать, как солница. Но, друг мой, правда ли те слухи, которые здесь распространялись о вас: именно, что будто бы корпусный командир назначил вас к себе, в Омск, чиновником по особым поручениям (рассказывают, что он был очень удивлен, что вы не проехали через Омск), именно тем, чем вы не хотели быть. Тогда, пожалуй, чтоб избежнуть этого, и если не будет уже возможности переселиться, вы останетесь в Петербурге, а не поедете сюда! Впрочем, вы теперь уже об этом знаете. Вам, верно, написали отсюда. Ради Бога, друг мой, ради Бога уведомьте *наверно*, если можно. Приедет ли вы или нет, когда, куда, чем приседете сюда и как надеетесь устроить свои дела в Петербурге. Кроме того, я хочу вас видеть, вы мне теперь необходимы, как воздух, да и всегда мы необходимы были, и я это помню. Вы не поверите, как я обрадовался тому, что мой брат вам понравился и что вы, кажется, сойдитесь с ним. Сделайте это

ради Бога, не раскастесь. Как я рад, что он все тот же и любит меня. Много я вам написал о моих сомнениях даже на его счет в прошлом письме. Но если бы знали, в каком грустном, в каком ужасном я был положении и как я рассказываю в моих предположениях насчет брата. Скажите ему, что я его целую, не пишу ему потому, что и вам-то един успеваю ответить. Напишу ему скоро письмо официальное, в котором будет: жив, здоров и только, что написать в официальном письме, кроме этого? Но в следующем письме к вам напишу и ему. В прошлом письме я просил у него еще 100 руб. Не для меня, мой друг, а для всего, что только теперь есть¹⁰⁸ меня самого дорогого в жизни, и, главное, на всякий случай. Если только он может исполнить мою просьбу, пусть исполнит, и Господь сго наградит за это, а он мсн, может быть, этим осчастливит и избавит от отвания. Как знать, что случится. К тому же, если позволят печатать, тогда я уже буду с своими деньгами и начну новую жизнь и не буду его беспокоить, что у меня всегда было на сердце, ибо брат сам добывает себе трудом кусок хлеба. Писал я вам, друг мой, сходить к Тотлебену и отдать мос письмо. Теперь вы уже, может быть, это сделали. Вы не поверите, с каким замиранием сердца буду ждать на этот счет вашего ответа. Заранее благодарю вас за все, что вы для меня делаете, только, ради Христа, не обицаживайте понапрасну меня, из желания меня успокоить. Факты, одни факты напишите мсн! Просил я вас и брата написать к Марье Дмитриевне, и, если возможно, поскорее. Понторяю мою просьбу; ради Бога сделайте это. Вы пишете, что готовитесь что-то из милостей для нас, но что именно это держат в секрете. Сделайте милость, друг мой бесценный, нельзя ли хоть что-нибудь узнать заранее относительно меня. Это мне нужно, нужно. Если что-нибудь сообщите немедленно. О Кавказе я и не думаю¹⁰⁹. О барнаульском отряде тоже. Теперь все это пустыни. Вы пишете, что все любят Цари. Я сам обожаю его. Производство мос мне лично очень важно, со- знаюсь. Но если ждать офицерства, то это ждать еще долго, а мне хоть что бы нибудь теперь, при коронации. Самое лучшее и здравое, конечно, хлопотать о позволении печатать. Я думаю переслать вам в скором времени стихи на коронацию, частным образом. Но пойдут они тоже и официальным путем. Вы, верно, встретитесь с Гасфордом. Он ведь едет на коронацию. Не поговорите ли вы ему, чтобы он сам представил мои стихи? Нельзя ли будет это сделать? Уведомьте тоже меня, до которого времени можно будет писать к вам, ибо если вы оставите Петербург, то незадолго будет, если письма пропадут. Я говорил вам о статье об России. Но это выходил чисто политический памфлет. Из статьи моей я слова не захотел бы выкинуть. Но вряд ли позволили бы мсн начать мос печатание с памфлета, несмотря на самые патриотические идеи. А выходило дельно, и я был доволен. Сильно занимала меня статья эта! Но я бросил ее. Ну, как откажут напечатать? к чему же пропащть моим трудам? А теперь мсн время дорого, чтоб тратить сго понапрасну, из удовольствия писать для

себя. Да и политические обстоятельства изменились¹¹⁰. Роз я присл за другую статью: «Письма об искусстве»¹¹¹, рия Николаевна — президент академии¹¹². Статья моя — плод десятилетних обдумываний. Всю ее до последнего слова я обдумал еще в Омске. Будет много оригинального, горячего. За изложение я ручаюсь. Может быть, во многом со мной будут несогласны многие. Но я в свои идеи верю, и того довольно. Статью хочу просить прочесть предварительно Ап. Майкова. В некоторых главах целиком будут страницы из памфлета. Это, собственно, о значении Христианства в искусстве. Только дело в том, где ее поместить? Напечатать отдельно — купят 100 человек, ибо это не роман. В журналах, даахт «Москвитин»¹¹³ и «Современник»¹¹⁴ всегда мне враждебен. Но «Современник» тоже¹¹⁵ ник напечатал вступление к Разбору, совершенно противоположные моим¹¹⁶. Записки», но что делается с «Отеч. Записками» теперь — я не знаю. И потому поговорите с Майковым и братом, только так, в виде проекта, возможно ли будет где-нибудь напечатать за деньги, и сообщите мсн. А главное, сижу за романом¹¹⁸, я мос наслаждение. Только этим я могу составить себе имя и обратить на себя внимание. Но, конечно, лучше начать прежде серьезной статьей (об искусстве) и на нее просить разрешения печатать; ибо на роман до сих пор смотрят как на пустяки. Так мне кажется — Если будет возможность говорить и хлопотать о переводе мос в статскую службу, именно в Барнаул, то ради Бога не оставляйте без внимания. Если возможно говорить об этом с Гасфордом, то ради Бога поговорите, и если можно не только говорить, но и делать, то не упускайте случая и попробуйте о мос переводе в Барнаул в статскую службу. Это самый близкий и самый верный шаг для меня. Впрочем, согласен с вами совершенно, что надо ждать коронации. Господь знает, может быть, и больше будет, чсм даже и мы будем. Время близко, но Бог знает, сколько может воды утечь в это время. Я говорю про мои обстоятельства, которые вы знаете,

Семипалатинск, средо 27 мая 1856 г. *

Дорогой, добрыший мой Александр Егорович, спешу (в полном смысле слова спешу) отвечать вам. И потому не взыщите, если письмо написано наскоро и беззаберно. После все объясню. Во-1-х, благодарю вас несказанно за все то, что вы сделали, за все старания ваши за меня. Вы мой второй брат, дорогой и возлюбленный! Тотлебен благороднейшая душа, я в этом был уверен всегда. Это рыцарская душа, возвышенная и великолодушная. Брат его такого же характера. Ради Христа скажите Эрнсту¹¹⁷, без слез не мог читать вашего письма, и я не знаю, есть ли слова, чтобы выразить мои чувства к нему. Адольфа расцелуйте за меня.

У Прангеля ошибочно 26 мая.

Что-то будет! Дело, я сам понимаю, на хорошей дороге. Дай Бог счастья великодушному Монарху! ¹¹⁵

Итак, все справедливо, что рассказывали постоянно о горячей к нему любви всех!

Как это меня радует! Бесплатно, в фраке, ботильонами не будешь одеваться назади? Не примкнуть к общему движению, не принести свою лепту?! О, дай Бог, чтоб моя судьба поскорее устроилась. Вы мне пишете — прислать что-нибудь. Посылаю стихи на коронацию и заключение мира. Хороши ли, дурны ли, но я послал здесь по начальству, с просьбою ~~послать~~ ^{только} доложить Гаагорту.

Просить же официально (прошением) позволения печатать, не представив в то же время сочинения, по-моему, неловко. Потому я начал с стихотворения. Прочтите его, перепишите и постарайтесь, чтоб оно доплю к Монарху. Но вот в чем дело: миновать Гасфорта нельзя. Ведь, может быть, придется здесь служить. Гасфорту 10-го июня едет в Петербург. Конечно, он явится к Царю. Стихотворение мое он повезет, но надобно, чтоб он был предупрежден и, главное, получше настроен в мою пользу. Будете ли вы в Петербурге при приезде Гасфорта? Встретитесь ли с ним? Если б встретились, то прошу вас не говорить ему о Тотлебене. Он горячее примется, если успех дела отнесут лично к нему. Но превосходно было бы, если б Тотлебен, встретив его где-нибудь, или даже (но на такую милость от Тотлебена я и надеяться не смею) сделав сам *визит* Гасфорту (что Гасфорту страшно польстит), попросил бы его представить мое стихотворение Царю с просьбой печатать и замолвить за меня доброе слово, если его будут обо мне спрашивать, т. е. достоин ли к производству. Не правда ли, что тогда дело облазалось бы хорошо! Итак, друг мой, будете ли вы или нет при Гасфорте в Петербурге, сдайте эту мысль Тотлебену осторожно (ибо я много прошу) и, если увидите, что он это одобряет, объясните ему все. Вы не поверите, как вы меня вдохновили этими известиями. Жду не дождусь вас увидеть! О! кабы поскорее! Как много надо переговорить!¹²⁰

О, дай Бог вам счастья, а не тех ужасов, которые иногда могут быть, — говорю по опыту. Но не засидитесь в Петербурге. Приезжайте, ради Бога, приезжайте. Брату скажите, что я обнимаю его, прошу у него прошения за все горести, которые я нанес ему; на коленях перед ним. Дела мои ужасно плохи, и я почти в отчаянии. Трудно перестрадать, сколько я выстрадал! Но не буду утомлять вас, тем более, что всего передать не могу, и таким образом, я один совершенно с своей безвыходной тоской. О! Кабы вы были 3^Д & 4^Л Г^х Ж^Ш бы⁴ Сибирский корпус, просит О Паше вас Ома и похлопотать у Гасфорта не примут ли даже из^в здрав тогу в малолетнее отделение¹²² (Паше девятый год)? Я обещался хлопотать бескорыстно и потому — умоляю, — что можете — сделайте. Но умоляю, тоже ради Бога, уговорите брата, чтоб он справился

подробно и прилежно, нельзя ли Пашу поместить в Павловск, корпус, хоть не теперь, так и в будущем году? Если можно, то чтоб брат написал Марье Дмитриевне, в возможно скором времени, все подробности, обнадежил бы ее совершенно, а вы, Ал. Егор., ради Христа и для меня, обнадежите ее, что может быть хороший случай доставки Паши в Петербург, что ей не надо и с места сдвигаться, чтоб отправлять сына в Петербург, что другие довезут, а в Петербурге Паша найдет друзей. Уверьте ее, успокойте ее! Особенно умоляю в том брата...

Семипалатинск, 14 июня 1856 г.

Спешу вам отвечать с первой же почтой, добрейший, бесценный мой Александр Егорович. А долго же я от вас ждал хоть одной строчки! Не упрекаю вас: вы всегда мне брат были; я это чувствую и знаю. Но если бы вы знали, как мне нужно было ваше дружеское участие, ваша память обо мне во все это время. Тысячу раз собирался писать к вам сам, но все боялся, что вы тем временем выедете к нам, и письмо мое вас не застанет. Впрочем, что ж бы я вам стал писать? Не упишешь ничего, что *надобно*, на письме. И теперь же тоже. Благодарю вас еще в 100-й раз за все ваши старания обо мне. Поблагодарите обоих Готлебснов. Вы не можете представить себе, с каким восторгом я гляжу на поведение таких душ, как вы и они оба, относительно меня! Что вам я сделал, что вы меня так любите? Что я им сделал, благородным душам. Благослови вас всех Господь! И так теперь я могу надеяться крепко, но ... уже поздно! ..... От вас

думал хоть строку получить (никого-то нет со мною), и вы молчите; а теперь Господь знает, увидимся или нет! Ради Бога не оставляйте меня! Что стоит мне черкнуть два-три слова? Не правда ли? Чем это все кончится, не знаю! — Ради Бога пишите как можно скорее о своей судьбе! Приедете или нет? Я ничего вам не смею советовать: ^{Га} сам ^{Деженевского} говорил сму, будто ^{Гра} Андр. Родион. ¹²⁴ Так ли? Что тогда вы? — О Паше просил Служского ¹²⁴ и Д хлопотать в Омске, а еще о пособии (отец тоже ее не забывает и помогает). Пособие двинулось вперед. Служкий так обязателен, ответил мне до невероятности вежливо. Сделал все, что мог. Но о Паше пишет, что нет вакансии и что только один Государь может утвердить сверхштатного, а в кандидаты запишут. Похлопочите у Гасфорта — ради Бога, может быть, еще есть надежда принять его на нынешний год.

Есть еще к вам одна самая экстренная просьба. Если можно, пожалуйста, отложить ее.

хоть зарежся. Вы не поверите, сколько мне стоила моя экспедиция, а я рискну на другую. У меня долг до 1,000 руб. сер. Живу я бедно, но расходы экстренные. Мне, чувствуя это (на всякий случай), нужны, очень нужны будут деньги. Теперь именно нужны до зареза. Молите брата (которого прошу расщеловать без конца).

чтоб увидеть и надежда и убеждение, что мне позволят
есть

печатать (но только в этом случае), то ради Бога займите (ибо у вас самих, верно, нет) 300 руб. сер. до января. Уж если позволят печатать, то и не такие деньги отдать могу в январе. Я вас не скомпрометирую. Только если есть у вас у кого занять. Но если вам очень тяжело — не хлопочите, ибо тяжко занимать. Если займете, то высыпайте тотчас — но на Ламота. Ради Бога простите за подобные просьбы. Во-1-х, я ваших обстоятельств не знаю в этом роде, а во-2-х, я сам как помешанный. Ради Бога не подумайте чего-нибудь. Прощайте, скоро еще что-нибудь напишу. Ради Бога пишите скорее обо всем. Не забывайте меня. Обнимаю вас бесконечно вместе с братом. Другим поклон. Не скрывайте от меня ничего.

Семипалатинск, 21 июня 1856 г.

Вот и еще к вам письмо, добрейший, бесценнейший Ал. Ег. Не знаю только, как дойдет оно до вас, — застанет ли нас в Петербурге? Это письмо — просьба. Друг мой, добрый друг мой, я вас буквально осыпаю просьбами. Знаю, что дурно делать, — но на вас только и надежда! Притом же я так верю в вас, вспоминая ваше чистое, прекрасное сердце¹. Не потяготитесь просьбами от меня. А я бы рад был за вас хоть в воду. Вот в чем дело. Я вам писал, что просил Слуцкого похлопотать за Паши и ждал¹²⁶; Пуш-кина¹²⁷ тоже просил и что от обоих получил ответы. На этот раз надежда плохая. Я просил вас сказать об этом Гасфорту. Но теперь получил еще письмо от Слуцкого, которого я тоже просил подвинуть вперед дело Марии Дмитриевны о назначении ей единовременного пособия, так как она имеет право на него по закону по смерти мужа, именно в 285 руб. сер. Слуцкий действительно подвинул дело, совсем залежавшееся. На ту беду уехал Гаспорт. Главное управление, за отсутствием его, представило это дело министру внутренних дел (от 7-го июля 1856, за № 972). Теперь это представление о назначении ей пособия может засесть в Петербурге, особенно при теперешних обстоятельствах, и Бог знает, сколько может пройти времени, прежде чем решат его. Да кроме того еще решат ли в ее пользу? Ну, как откажут! Друг мой, добрый мой ангел! Если вы все еще продолжаете любить меня, беспрерывно осаждаящего вас самыми разнообразными просьбами, то помогите, если можно, и в этом деле. Ради Бога спрявайтесь об участии этого представления; верно, у вас найдутся знакомые, которые вам помогут в этом, и люди с влиянием, с весом. Нельзя ли так пошевелить это дело, чтобы оно не залежалось и разрешилось в пользу Марии Дмитриевны. Ангел мой! Не поленитесь, сделайте это, ради Христа. Подумайте: в ее положении такая сумма целый капитал, а в теперешнем положении ее — спасенье, единственный выход. Я трепещу, чтоб она, не дождавшись этих денег,

держек, от которых они оба года два не поправятся! И вот опять для нее бедность, опять страдание. К отцу ей тогда уже обращаться нельзя с просьбами о помощи: ибо она будет замужем. За что же она, бедная, будет страдать и вечно страдать? И потому ради Бога исполните мою просьбу; исполните тоже (хотя по возможности) и те просьбы, которые я вам настрочил в прошлом письме. Вы не знаете, до какой степени вы меня осчастливите!

Пишу к вам, а сам еще не знаю, где и когда получите вы это письмо? Если вы сюда поедете, то оно уже вас не застанет. Если вы там останетесь, то где именно будете? Ради Бога, уведомьте меня, получили ли вы это письмо? Да не ленитесь мне писать, добрый друг мой! Хоть несколько, только несколько строчек! Если бы вы знали, как я теперь нуждаюсь в вашем сердце! Так бы и обнял вас и, может быть, легче бы мне стало. Так невыносимо грустно. Я хоть и знаю, что если вы не приедете в Сибирь, то, конечно, потому, что вам гораздо выгоднее будет остаться в России, но простите мне мой этизм: и сплю и вижу, чтоб поскорее увидеть вас здесь. Вы мне нужны, так нужны! Простите, что пишу на таком клочке бумаги. Во-1-х, спешу, а во-2-х, в настоящее время почти ни на что не способен и так на все тяжело смотрю!

Обнимите бесценного моего брата и передайте ему, чтоб простили меня за мое молчание. После напишу, а теперь ей Богу хоть в воду! Хоть вино начать пить! Обнимите его за меня и скажите ему, что я его бесконечно люблю. Видели ли вы X.¹²⁸ дело? Боясь, что вы теперь еще больше замолчите. Напишите мне ради Создателя все. Если действительно есть надежда пронести меня в офицеры, то нельзя ли устроить, чтоб в Барнаул? Тотлебенам скажите мою бесконечную благодарность, мою любовь к ним без конца! Дай вам Бог, добрый, бесценный друг мой, всякого счастья и не дай вам Бог испытать то, что я испытываю. Подожду вашего ответа и напишу вам (обещаюсь) письмо занимательнее и подробнее. Поклонитесь всем, особенно Якушкину, если увидите, — Вы спрашивали, женился ли Гаврилов¹²⁹? — и, кажется, теперь и не думает. Была прекрасная история. Я с ним недавно близко сошелся. Демчинский такой же, как всегда, со мной очень хороший и много услуг оказывает. Прощайте, бесценный друг мой! Неужели вы не будете на коронации? Не забудьте моей просьбы о деньгах. Все планы мои рушатся без них! Повторю: хоть в воду! Кроме того, сам терплю нужду. Прощайте, прощайте! Целую вас бесконечно.

Ваш Достоевский.

Семипалатинск, 9 ноября 1856 г.
Я получил письмо ваше из бесценный друг мой Александр Егорович, еще 30-го октября и не отвечал с первой почтой по особым обстоятельствам. У меня в голове была тогда поездка в Б-л¹³⁰, и я хотел вам написать оттуда, увидав X. и, конечно, сделав для вас письмо занимательнее. Но поездка моя до сих пор еще не

состоялись, но почти уверен, что состоится на будущей неделе, если, как обещано, мне пришлют денег. Тогда я вам напишу из Барнаула, и письма этого ждите в скором очень времени. А это письмо, которое теперь пишу, не считайте и за письмо, а только за несколько строк, чтобы поскорее хоть что-нибудь ответить вам. Если б вы были здесь, и бы и в неделю не передал вам, незабвенный друг мой, всего, о чем хотел бы говорить с вами.

Вы пишете, что я кроме бесконечно-милосердного Монарха нашего

скажите ему, что у меня нет слов, чтобы выразить мою благодарность ему. Всю жизнь буду помнить о благородном поступке его со мною. Но мое сердце спротивливо; если б не было вас, другой друг мой, если б вы не старались за меня, я уверен, мое дело не подвинулось бы так скоро. Бог вас послал мне. Благодарю вас и обнимаю крепко, крепко. Вы знаете, что я вас люблю.

Теперь скажу вам в коротких словах (хотя и много хотел бы говорить об этом, но всего не упишешь): вы никогда не поймете, бесценный мой, в какую грусть, в какую тоску повергнули вы меня вашим долгим молчанием! Друг мой, я понимаю нравственное состояние духа, в котором не хочется браться за перо, чтоб написать даже тому, который способен понять вас, — ко мне, одним словом, с которым вы почти не имели тайн¹³⁷.

Здесь было известно, что вы уже назначены в экспедицию¹³⁸, но что вы сие в П-ге, — я был в том уверен. Почему же он не пишет? — вот вопрос, который я задавал себе каждый день. Но клянусь вам, что несмотря ни на что, я ни разу не усумнился в дружбе вашей, не подумал, что вы забыли меня. Вы доказали это, послав мне свой портрет (который я еще не получил). Но, друг мой, я понимаю эту тревогу духа, когда не хочется разбрасывать боль в сердце, говоря о ней с другим. Но неужели вы и двух строк не могли написать мне? Другая причина, которую вы выставляете, объясняя мое молчание (именно: что не испытывал ничего из просьб моих) — для меня совсем не понятна. Я попросил у вас денег, как у друга, как у брата, в то время, в тех обстоятельствах, когда или петля остается, или решительный поступок. Я и решился просить у вас, зная, что могу обременить вас моим просьбам, но если б вы были в обстоятельствах, подобных моим, и потребовали для вас рискнуть чем-нибудь крайним, я бы это сделал. Чувствуя это по себе, я без угрызения совести решился вас беспокоить (если б я не перехватил здесь и не наделал долгов, я бы пропал) — так мне было нужно, не для существования моего, а для моих намерений. Вы знаете из прежних писем моих, в каком состоянии духа я находился. Как я не сошел еще с ума до сих пор! Но если, добрейший Александр Егорович, если у вас не

было у самих, чтоб помочь мне (что, без сомнения, так, потому что вы всегда не оставляли меня) — скажите ради Бога, отчего было просто не написать: нет или не могу? (если невозможность удовлетворить меня была одною из причин вашего молчания). Нежели же я не способен был понять, что, конечно, невозможность заставила вас отказать мне, а не недостаток дружбы? И какое бы я право имел досаждовать на вас за неприсылку (я и без того кругом вам должный — вам, который был и есть для меня как любимый, дорогой мне брат мой? Потому что после всего, что вы для меня сделали, вы позволите мне называть вас так). Наконец, тоска моя в последнее время о вас возросла до небывалых (я в последнее время сверх того был часто болен). Я и вообразил, что с вами случилось что-нибудь трагическое, вроде того, о чём мы с вами когда-то говорили. И никого-то не было, чтобы хоть малейшую лесточку подать о вас. Наконец пришло ваше письмо и разрешило многие недоразумения, многие, но не все ..... Друг мой, вы спрашиваете меня, чего я желаю, о чём просить? И говорите тоже, что меня могут перевести в Россию. Но, друг мой, милость нашего ангела-Царя — бесконечна, и я знаю, что я даже и не служа, через год, через два и без того буду возвращен окончательно. Перевод же в армию еще тем худ, что я, во всяком случае, плохой офицер, хотя бы по здоровью. А надо будет служить. Если б я желал возвратиться в Россию, так это единственное для того, чтоб обнять родных и повидаться с докторами знающими и узнать, что у меня за болезнь (эпилепсия), что за припадки, которые все еще повторяются и от которых каждый раз тускнеет моя память и все мои способности и от которых боюсь впоследствии сойти с ума. Какой я офицер? Если б меня выпустили в отставку — хотя бы оставил здесь на время — вот все мое желание. Я бы добыл себе денег на существование. Здесь я бы не пропал ..... и потому напишите мне *возможно* (по возможности) во-1-х) могу ли я в очень скором времени, по слабости здоровья, подать в отставку (проси на всякий случай возвращения в Россию, для совета с докторами) и во-2-х) могу ли и печатать — вопрос для меня *самый главный*, о котором вы ничего не пишете в своем письме. Но ведь это средство к существованию моему и карьере, потому уверен, что я в себе и надеюсь быть известным и составить себе значение, участь, обратить на себя внимание, наколец. И потому прошу вас, напишите мне утвердительно; если бы я послал напечатать что-нибудь, в скором времени, под своим именем (или псевдонимом) — будет ли напечатано? Ради Бога, друг мой, бесценный брат мой, не оставьте меня, не забудьте меня и напишите мне об этом, если возможно, скорее и утвердительнее. Впрочем, положительнее буду

эти два вопроса.

Так вы познакомились с Гончаровым? Как он вам понравился? Джентльмен из «Соединенного Общества», где он членом,

с душою чиновника, без идей, и с глазами варской рыбы, которого Бог, будто на смех, одарил блестящим талантом¹³⁶.

Как жаль мне, что вы не сошлись близко с моим братом. Это превосходнейший человек, и, право, вы бы не имели никого подле себя, кто бы вас любил горячее его. — Прилагаю к нему письмо. Ради Бога передайте поскорее, не задержите письмо. Пишу к вам искренно, ибо о многом не могу писать положительно; повторяю, следующее письмо будет ровнее и обстоятельнее.

О ваших вещах и книгах ничего не могу вам сказать. У Степанова¹³⁷ нет *ничего*, он мне сам говорит. (Ни картины, ни кастрюль). Я видел летом четырех ящиков, которые Демчинский отправил к Остермейеру¹³⁸. Степанов говорит, что вы ему *ничего* не оставили. Демчинский говорит, что не знает, что в ящиках. Обо всем узнаю в Барнауле и о книгах и все постараюсь исполнить, о чем вы просили. Если мне выдадут ваш чемодан (который вы мне дарите), то я возьму. Благодарю вас, друг мой, вы без конца обо мне думаете.

Благодарю вас за обещанье обмундировать меня. Но я по возможности обмундировался здесь (в долг и кое-как). Мне очень жаль, что не мог предупредить вас раньше; ибо вы, может быть, выслали уже все! Но мне совестно, что вы на меня много истратили. Но от каски, полусабли и шарфа не откажусь, даже буду просить; ибо здесь этого (особенно каски) не достанешь.

О новостях здешних ничего не пишу. Здесь все то же и все тоже (напишу после). Я довольно короток с Демчинским (он мне много помогает насчет лоезды); ибо сам мне сопутствует, имея делишки сердца в Змееве). Ради Бога не подумайте, чтоб он мне вас заменил. Но он ужасно предан мне (не знаю отчего), и я не могу не быть благодарным. За что он вас не совсем любит? Впрочем, все это у него делается по *вдохновению* какому-то. Обух¹³⁹(?) в Верном.

Прошайте, мой бесценный, пишите как можно скорее и от меня ждите скоро. Обнимаю вас крепко.

Ваш Д.

Семипалатинск, 21 декабря 1856 г.

Добрейший, бесценный мой Александр Егорович. Вот уже сколько времени с нетерпением жду вашего письма и ничего не получаю. Получили ли вы мое, в котором я уведомлял вас, что недели на две хочу уехать из Семипалатинска. Но если вы и получили, то, конечно, ваш ответ на него еще не мог прийти; я же говорю про то письмо ваше, которое вы обещали написать мне еще и не ожидая от меня ответа. Вы хотели мне выслать офицерские вещи. Я уже уведомил вас, добрейший друг мой, чтоб вы не разорялись напрасно для меня, что всей экипировки мне не надо (ибо во всяком случае она поздно придет), и что если мне действительно очень нужны были некоторые из вещей, наприм. кивер, форменные погоны, нумерные пуговицы и т. д., то это единственно

потому, что здесь этого нет — надо выписывать. И потому-то я вас и уведомлял, что вот эти мелочи я готов принять от вас с благодарностью. Но если заготовка этих вещей и покупка их задержала вас, так что вы, ожидая окончания этих закупок, и не писали ко мне — то напрасно, конечно, напрасно! Друг мой добрый и не забывший, вы, которому я и без того так много обязан, — неужели какис-нибудь подобные мелочи могут помешать вам писать ко мне? Но, может быть, я ошибаюсь, может быть, время уже успело изгладить в вашей душе память обо мне, и вы уже не так любите меня, как прежде! Кто знает! Но нет! Мне грешно говорить это. Вы так много для меня сделали, что сомнение, которое бы могло закрасться в сердце мое, было бы неблагодарностью к вам! Не хочу этих сомнений, гоню их и, обняв вас от души, хочу говорить с вами по-прежнему, как бывало в Семипалатинске, когда вы были для меня всем: и другом, и братом, и когда мы оба делили друг с другом свои заботы... *сердечные*.

Во-1-х, давно ли вы видели Тотлебена? В Петербурге ли он? А если там, то передали ли вы ему мою благодарность? Скажите ему, друг мой, что нет у меня слов, чтобы выразить ему ее, и что я вечно буду благоговеть перед ним, всю мою жизнь и никогда не забуду того, что он для меня сделал. — Ради Бога, добрый друг мой, напишите мне обо всем этом поскорее. Обещал я вам письмо большое и вот пишу на полулистке. Причина тому, что не знаю, застанет ли вас мое письмо в Петербурге. Вы писали мне, что хотите съездить в Ирбит, и, Бог знает, может, вы вдруг съедете и до Барнаула. В таком случае, не знаю, пролежит ли мое письмо до вашего возвращения или вам его перешлют уже из Петербурга туда, где вы будете находиться. Вот почему и пишу вам коротко о том, о чем мог бы написать и подлиннее. Есть и еще причина, которую вы поймете из следующих слов: «Бог знает, как бы я желал переговорить с вами изустно, а не на письме!» Если бы я мог видеть вас, я бы вам кое-что передал, и теперь нельзя. Скажу только одно: я езжу в Барнаул и в Кузнецк с Демчинским¹⁴⁰. В Барнаул мы приехали 24-го декабря (в день именин Х.), и Герингросс, не видав еще нас, прямо пригласил нас через Семенова на бал. Он мне очень понравился. О барнаульских я не пишу вам. Я с ними со многими познакомился. Хлопотливый город и сколько в нем сплетен и доморошеных Талейранов! В Барнауле я пробыл сутки и отправился один в Кузнецк. Там пробыл 5 дней и, воротившись, пробыл еще сутки в Барнауле. Обедал у Герингrossа и был у него до вечера. Он обошелся со мной превосходно. За столом я сделал маленьку неловкость. Сын их, мальчик лет 8, мне очень понравился; он ужасно похож на мать. Я это сказал. Она возвратила, что нет сходства. Представьте же себе: этого мальчика, как я после узнал, они считают в семействе чуть не уродом! Хорош мой комплимент.

Портрет ваш получал. Благодарю, друг мой, благодарю! Чемодан, который вы мне подарили, не получил. Герингross ни слова

не сказал мне о нем. А мне спросить было совестно. Конечно, он забыл, но это все равно, ибо, может быть, чемодан у Остремейера. Получу после, если он у него. Книги ваши и минералы, по всей вероятности, в Змиеве у Остремейера, в тех 4-х ящиках, которые были отправлены летом к нему. В Змиев мы, в обратный путь, приехали ночью. У Остремейера я быть не мог. Но будьте уверены, что все будет спасено и доставлено вам. Я еще надеюсь быть в Змиеве.

Теперь, друг мой, хочу объявить вам об одном важном для меня деле. Вам, как другу моему, это должно быть открыто. Коротко и ясно: если не помещает одно обстоятельство, то я, до масленицы, жнюсь — вы знаете на ком. Она же любит меня до сих пор... Она сама сказала мне: да. То, что я писал вам об ней летом, слишком мало имело влияния на ее привязанность ко мне. Она меня любит. — Это я знаю наверно. Я знал это и тогда, когда писал вам летом письмо мое. Она скоро разуверилась в своей новой привязанности. Еще летом, по письмам ее, я знал это. Мне было все открыто. Она никогда не имела тайн от меня. О, если бы вы знали, что такое эта женщина! Я вам пишу нанерно, что я жнюсь; между прочим, может быть одно обстоятельство, о котором долго рассказывать, может отдалить брак наш на неопределенное время. Это обстоятельство совершенно постороннее, но мне, по всем видимостям, кажется, что оно же случится. А если это не будет, то следующее письмо вы получите от меня, когда уже все будет какчено. Денег у меня нет ни копейки. По самым скромным и скучным расчтам мне на все надо 600 руб. сереб. Я намерен их занять у К^{овригина} (он живет в Омске, но скоро приедет)¹⁴¹. Мы с ним в последнее время сопились очень хорошо. Я надеюсь, что он мне даст. А если не даст, то все рушится, по крайней мере, на неопределенное время. Я зайду у К^{овригина} на далекий срок, т. е. на год по крайней мере. Но с будущей почтой пишу в Москву к дяде, человеку богатому, который не раз помогал нашему семейству, и прошу у него 600 руб. сер. Если даст мне, то я тотчас же отдам К^{овригину}. Если же не даст, то надо самому достать деньги, ибо этот долг — священный долг и отдать его надо как можно скорее.

Ни брата я надеяться не могу. Если бы у него были деньги, он дал бы мне. Но он писал, что обстоятельства его худы, по крайней мере теперь. И потому одна надежда и на отдачу и на средства к будущей жизни моей это: если мне позволят печатать. Не удивляйтесь, друг мой, что я, не имея ничего, занимаю такие кушн, как 600 р. сер. Но у меня есть готового для печати слишком на 1.000 руб. сер. Следовательно, будет чем отдать, если позволят печатать и если дядя не пришлет. Но если печатать не позволят еще год — я пропал. Тогда лучше не жить! Никогда в жизни моей не было для меня такой критической минуты, как теперь. И потому поймите, бесценнейший друг мой, как важно для меня хоть какое-нибудь известие о позволении печатать. И потому умоляю вас как Бога, если могли что-нибудь узнать об этом (я просил

вас об этом еще в прошлом письме), то уведомьте немедленно. Умоляю вас об этом, и если в вас еще прежние чувства ко мне, вы примете мою просьбу и исполните ее. Так ли, друг мой, обманываюсь я или нет? (почему же мне писали? Не отказали ли?) Это очень важно мне знать. Разумеется, я готов печатать хоть *навсегда без имени или псевдонимом*). Если К^{овригин} даст денег, я постараюсь выскать между 20-м и 25-м января, и дней через 20 возвращусь в Семипалатинск уже с женой. В Барнауле надеялся, не знаю почему, что вы там будете. Не сойдемся ли мы там? Видите ли вы моего брата? Ради Бога увидитесь с ним, поговорите обо мне в мою пользу. Я не прошу у него денег; у него нет. Но прошу его, если он может, выслать мне кой-какие вещи. Мне бы очень хотелось иметь их.

Да скажите брату, чтоб написал мне все, что знает о всех за-кулисных тайнах теперешней литературы. Это для меня очень важно. Прощайте, дорогой друг мой, обнимаю вас. Пишите, ради Христа, поскорее и уведомьте обо всем. Прощайте.

Ваш весь Достоевский.

Семипалатинск, 25 января 1857 г.

На письмо ваше, бесценный друг, бесценный брат мой, отвечаю этим коротеньким письмом. Прошу вас, не считайте мое письмо отставом на ваше, а только предисловием к ответу. Писать я вам буду очень скоро, именно 10-го февраля, а если удастся, то даже и раньше, 3-го февраля. Да, друг мой незабвенный, судьба моя приходит к концу. Я вам писал последний раз, что Марья Дмитриевна согласилась быть моею женой. Вс это время я был в ужаснейших хлопотах, как не потерял голову. Надо было устроить возможность свадьбы. Надо было занять денег. Я крепко надеюсь, что мне в этом году что-нибудь позволят напечатать, и тогда и отдам. В ожиданье же надо было занять во что бы то ни стало. У меня был только один человек, у которого я мог просить — К^{овригину}. Но он все время был в Омске; наконец воротился и по первому моему слову дал мне 600 руб. сер., помог мне, как брат родной. Я взял с условием воротить не ранее как через год. Он просил не беспокоить себя. Это благороднейший человек! Только 3 дня тому, как я получил деньги, и в воскресенье 27-го я еду в Кузнецк на 15 дней. Не знаю уступлю ли такую короткий срок доехать и сделать свадьбу¹⁴². Она может быть больна, она может быть не готова или, например, не станут всичать в такой короткий срок (ибо нужно много обрядов), одним словом, я рисую донельзя, но никак не могу не рисковать, т. е. отложить до после Святой. Нет никакой возможности откладывать по некоторым обстоятельствам, и потому надо сделать одно из решительных дел. Как-то надеюсь, что удастся. Во всех моих решительных случаях мне сходило с рук и удавалось. Но тысяча хлопот в виду,

Семипалатинск, 9 марта 1857 г.

Уж одно то, что из 600 руб. у меня почти ничего не останется по возвращении в Семипалатинск: так много и так дорого все это стоит! А между тем я сдва мог купить несколько стульев для мебели — так все бедно. Обмундировка, долги, плата и необходимые обряды и 1500 верст езды, наконец все, что мог стоить се подъем с места, — вот куда ушли все деньги. Ведь нам обоим пришлось начинать чуть не с рубашек — ничего-то не было, все надо было завести. Писал в Москву к родственнику и просил 600 руб. Если не пришлет — я погиб, по крайней месяцев 8 буду жить, как нищий, т. е. до того времени, когда, по расчетам, могу что-нибудь напечатать. Теперь я хлопочу, как угорелый, дела бездна, и письмо это пишу к вам, друг милый, в три часа ночи, а завтра в 7 надо уже быть на ногах. Многое что через 2 недели буду отвечать вам на все подробно и ничего не скрывая. А теперь только несколько слов и то отвечу на главное... Благодарю вас без конца за ваше письмо, но ради Бога пишите чаще: отвешайте мне тотчас же на это письмо, не дожидаясь 2-го. Адрес мой другие пишут прямо на мое имя. Но вас спрошу писать на имя Ламота, с передачей Ф. М., т. е. мне. Бы пишите о брате: мне жаль, что вы с ним не сходитесь. Я об нем Бог знает с какого времени ни слуху, ни духу не имю. Он дает мне в 8 месяцев по 2 строчки, никогда не пишет о нужном. Чего он боится? Есть столько о чем надо писать и что можно написать. А я нуждаюсь в известиях. Он мне ни слова не пишет о литературе, а ведь это мой хлеб, моя надежда. Хоть бы он отвечал мне только на мои вопросы. Например, я крайне нуждаюсь знать, кто нынче антре пресеры литературные! Это для меня капитально. Не понимаю, не понимаю его, несмотря ни на какие его объяснения. Я знаю одно: это превосходнейший человек! Но что же с ним делается? Вы пишете, что я ленюсь писать: нет, друг мой, но отношения с М. Д. занимали всего меня в последние 2 года. По крайней мере, жил, хоть страдал да жил! Хочу просить торжественно о позволенье печатать. Помогите, помогите мне, когда настанет время! Похлопочите о позволенье, по крайней мере, не оставляйте известиями. Поймите мое положение и будьте хоть вы моим во всем хранителем, как до сих пор были!

До сих пор не знал наверное, где ваши вещи и книги. Вы так положительно писали, что у Гернгросса, что я и сам это думал. Теперь оказывается, что они у Остермейера. Еду через Змиен, спрошу о них! Но не понимаю, как отошли их нам, ибо все уже отправились в Ирбит. Теперь поздно.

P. S. Прилагаю мерку с головы для кивера, бесценнейший Алекс. Егор! Мне крайне нужны эти вещи. У нас нет ни за какие деньги, и даже мы не знаем хорошо настоящей формы. Надо: кивер, шарф, погоны, пуговицы — вот и все! Но где достать, коли нет! Вышлите ради Бога поскорее.

Простите же, бесценнейший друг, что пишу так нискоро. Скоро напишу обо всем, а теперь до свиданья близкого и обнимаю вас! Ради Бога пишите подробнее обо всем, особенно о себе.

Вот уже две недели с лишком, как я дома, дорогой мой друг и брат Александр Егорович, и только теперь наслыту собрался написать к вам. Если бы знали, сколько выдалось мне хлопот, суеты¹ занятий, самых непредвиденных, при новом порядке всшей, то, верно, простите меня за то, что тотчас по прибытии не написал вам. Во-1-х, свадьба моя, которая совершилась в Кузнецке (6 февраля), и обратный путь до Семипалатинска взяли гораздо более времени, чем я рассчитывал. В Барнауле со мной случился припадок, и в лишних четыре дня прожил в этом месте. (Припадок мой сокрушил меня и телесно и нравственно: доктор сказал мне, что у меня настоящая эпилепсия, и предсказал, что если я не приму немедленных мер, т. е. правильного лечения, которое не иначе может быть как при полной свободе, то припадки мои могут принять самый дурной характер, и я в один из них задохнусь от горловой спазмы, которая почти всегда случается со мной во время припадка). Прислали в Семипалатинск, встретили меня хлопоты по устройству квартиры; потом заболела жена, потом присягал бригадный командир и делал смотр всему, так что я и вам и брату принужден был отложить писать до сегодня. А как мне хотелось поскорее отвечать, друг мой незабвенный, на ваше доброе, милое, прекрасное письмо! Не тужите, не тужите, друг мой, хоть я и ясно вижу, что у вас со всех сторон горе. Более всего беспокоят меня за вас, друг мой, отношения ваши с отцом. Я знаю, чрезвычайно хорошо знаю (по опыту), что подобные неприятности нестерпимы, и тем более нестерпимы, что вы оба, я знаю это, любите друг друга. Это своего рода бесконечно недоразумение с обеих сторон, которое чем далее идет, тем более запутывается. Тут не отделяешься ни крестом, ни пистолем. никакие объяснения не восстановят согласия, а если восстановят, то на миг. Одна помощь, одно лекарство — разлука. В первые же дни разлуки вы попадете опять в его сердце и он первый обвинит себя во всем. Характеры, как у вашего отца, — странная смесь подозрительности самой мрачной, болезненной чувствительности и великодушия. Не знали его лично, я так заключаю о нем, ибо знал в жизни, два раза, точно такие же отношения, как у вас с ним. Его тоже нужно избегать, и вы знаете это лучше меня. Знаете что, друг мой милый: мне кажется, что вы такого же характера, тоже больны сердцем и душой, и если в вас еще не развилась мнительность и подозрительность, то не было случая, или еще рано, т. е. разовьется потом. Зато у вас болезненно развилась чувствительность. Берегите и спасайте себя от этого: сильные перевороты в жизни помогают всегда; я был ипохондриком в высшей степени, но излечился вполне крутым переворотом, случившимся в судьбе моей. Путешествие превосходно...¹⁴⁴

Тверь, 31-го октября 1859 г.

Благодарю вас от всей души, добрый друг мой, за все ваши старания обо мне¹⁴⁵. Поблагодарите за меня тоже Эдуарда Ивана-

новича. Я бы саму сам написал; но все думаю, что, может быть, скоро буду в Петербурге и тогда уж лично буду у него. А между тем, несмотря на мои надежды, я не знаю, что и придумать. Решительно, как повешенный между небом и землей. Вы знаете, что я написал прямо к Государю, и что письмо мое окончено здешним губернатором г. Барановым¹⁴⁶ Адлербергу¹⁴⁷, передает его Государю Императору лично. Вот уже 12 дней как пошло письмо. Не знаю и не слыхал ничего: было ли оно показано Государю Императору? Если б было показано, то, может быть, сейчас же был бы и ответ; во крайней мере, гр. Адлерберг написал бы что-нибудь о результате подачи письма гр. Баранову, нашем губернатору; а гр. Баранов мне бы сейчас сообщил. Но ничего нет покамест. Теряюсь в догадках. Думаю (что, впрочем, очень вероятно), не отоспал ли Его Императорское Величество мое письмо князю Долгорукому¹⁴⁸, чтоб спросить его: не существует ли против моей просьбы каких-нибудь особых препятствий? (Так, мне кажется, и должно идти дело; это формальный ход). Но так как против меня решительно не может быть никаких особых препятствий (это я знаю наверно) и так как князь уже обещал Эдуарду Ивановичу обратить внимание на мое дело, — то, мне кажется, он бы не мог задержать его. Неужели станут делать у гр. Баранова, как у губернатора г. Твери, обмои справки, то есть о моем поведении? Не думаю. Ведь гр. Адлерберг подаст письмо от имени гр. Баранова. Чего же больше? (Значит, гр. Баранов находит меня достойным, если сам за меня хлопочет). К тому же, если б были официальные справки, гр. Баранов, я думаю, уведомил бы меня об этом, и я бы знал. Друг мой, я знаю, вы меня любите и мне не откажете. Попросил бы я вас; но не знаю о чем и просить. Вот в чем дело: хорошо было бы справиться, но у кого? Беспокоить Эд. Ив.? Спросить через кого-нибудь (не слишком оглаживая дела) у Адлерберга? Справиться у Долгорукого? — Решительно не знаю, как и придумать. Если услышите что-нибудь, сообщите ради Бога, умоляю вас, добреший Александр Егорович. Жду не дождусь. Живу точно на станции. Даю время и проигрываю по делам. А у меня дела по продаже моих сочинений, т. е. денежные, следовательно, для меня важные. Я ведь этим живу. Но, впрочем, еще не теряю надежды. Бог и Государь милостивы...

Прочел с крайним участием ваше письмо. Что это вы мне пишете, дорогой мой, о своем сердце, что оно уже не может жить по-прежнему? И когда же? В 26 лет. Но разве это возможно? Просто вы сами не знаете ваших сил. Выдержав два раза сердечную горячку, вы думаете, что истощили все. А, впрочем, это естественно думать. Когда нет нового, так и кажется, что совсем уже умер. Так и все думают. Но сердце человеческое живет и требует жизни. Ваше тоже требует жизни — и это-то и есть признак его свежести и силы. Оно ждет и тоскует. Но подождите. Жизнь возьмет свое, я уверен. Много еще впереди... Как, впрочем, желал бы я видеться и поговорить с вами! О Полонском я

слышал много хорошего¹⁴⁹. Вашего Дм. Болховского исторья встречал¹⁵⁰. Но о Льнове¹⁵¹ не имею понятия¹⁵². Решительно в первый раз слышу. Фу. Боже мой! Сколько прошло с тех пор, как мы не видались! И вы и я пожили и много прожили.

В Твери мне решительно скучно, хотя тут и есть 2—3 человека. Книги ваши некоторые спасены, хотя и поистерлись немного дорогой. А из минеральной коллекции был у меня только список (теперь затерянный) и не более 3 или четырех штук минералов. Я их оставил в Семипалатинске. Куда девалась вся коллекция — не знаю. Ятдаш же ваш и маленький книжал (как лежавший в чемодане), я почел свою собственностью, так как вы мне все подарили, и, уезжая, подарил, в свою очередь, между прочим, книжалик Валиханову. Уж за это простите. Валиханов премилый и превзамечательный человек. Он, кажется, в Петербурге? Писал я вам об нем? Он член Географического общества. Справьтесь там о Валиханове, если будет время. Я его очень люблю и очень им интересуюсь. Прощайте, друг мой. Обнимаю вас. Хотел было написать больше; но спешу. Авось увидимся. Дай-то Бог. Марья Дмитриевна вам кланяется.

Ваш весь Достоевский.

Тверь, 2 ноября 1859 г.

Бесценный друг мой, Александр Егорович, письмо мое, на этот раз, *деловое* и все об моих делах. К вам же просьбы. Вполне полагаюсь на вас. Вот в чем дело: Эд. Ив. прислал мне письмо, в котором извещает меня, что он говорил обо мне кн. Долгорукому и генерал-адъютанту Тимашеву¹⁵³, что оба они изъявили свое согласие на житье мое в Петербурге и просят, чтоб я написал к ним об этом письма. С этой же почтой уведомляю Эд. Ивановича и посыпаю письма кн. Долгорукому и Тимашеву. Особенно и убедительнейше прошу вас, друг мой, передать немедленно письмо мое Эд. Ив-чу, сделав конверт и надпись. Прочтите письмо это внимательно. Я в большом затруднении, признаюсь вам. Выбрав Эд. Ив-чу моим ходатаем у кн. Долгорукого, я вдруг пишу письмо к Государю¹⁵⁴ и через гр. Баранова оно передается Адлербергу для передачи Его Императорскому Величеству (о чем уже я вас уведомил в последнем письме моем). Не обиделся бы Эд. Иванович. Поймите меня: Эд. Ив-ч благороднейший человек и не посмотрит на мелочи, но меня-то он давно уж не знает лично. Как бы не хотелось мне, чтоб он подумал обо мне дурное! Дурное вот в чем: как будто я, не доверяя его стараниям и хлопотам обо мне, обращаюсь к другим людям, ожидая от них более, чем от него. По крайней мере, решась на письмо к Государю, я бы должна была тотчас же об этом уведомить Эд. Ив-чу. Я тогда же чувствовала необходимость этого. Но вы уехали тогда в деревню, письма от вас я не имел и потому не мог знать: успели ли вы передать мое письмо

Эд. Ив-чу. Без уведомления от вас и не решался на другое письмо. Да и через кого бы я и послал другое письмо Эд. Ив-чу, не зная даже его адреса? Обо всем этом я ему пишу. — То же обстоятельство, что я как будто более доверяю стараниям других обо мне, чем Эд. Ив-чу, совершенно несправедливо, и я не виноват никаких. Гр. Баранов — губернатор. Кн. Долгорукий непременно сделал бы ему запрос обо мне, как губернатору: благонадежен ли я? — если б князь просил я о жительстве в Петербурге. Из этого вышла бы лишняя траты времени. Государю же гр. Баранов переслал письмо мое от своего имени, как губернатор, а следовательно, не надо спрашивать обо мне, если сам губернатор обо мне старается; следовательно, дело много могло выиграть времени. К тому же в письме моем к Государю я прошу о помщении моего пасынка Паши в гимназию. Марья Дмитриевна убивается за судьбу сына. Ей все кажется, что если я умру, то она останется с подрастающим сыном опять в таком же горе, как и после первого вдовства. Она напугана и хоть сама не говорит мне всего, но я вижу ее беспокойство. А так как жизнь в Твери я еще не знаю конца кончается, а Паша не пристроен и только теряет дорогое время, то я, в решительную минуту, пустился на крайнюю меру и написал к Государю, надеясь на его милосердие. Вот история письма моего. Я рассуждал, что если откажут в одном, то может быть, не захотят отказать в другом, и если не соизволит Государь разрешить мне жить в Петербурге, то по крайней мере примет Пашу, чтобы не отказывать совершенно.

Друг мой, я совершенно верю в благородство и в ясный взгляд Эд. Ив-ча; но если вы заметите, что он недоволен тем, что я его не уведомил тотчас же о письме к Государю, то защищите меня. Мне слишком больно будет, если он обвинит меня. От вашей дружбы ожидаю всего. Уведомьте меня, ради Бога, обо всем этом подробнее. Я вам уже писал о письме моем через Адлерберга. От Адлерберга нет еще никаких известий Баранову, — и я недоумеваю, — что это значит? Вероятно, граф Адлерберг медлит передачей. Что будет, — не знаю! Одна надежда: на Государево милосердие и на добрых людей.

Не знаю, когда обниму вас, дорогой мой. Простите за беспрерывные просьбы и поручения. Но скоро, может быть, все кончится и кончится к лучшему.

В этот раз ничего не пишу более: надо заготовить к завтрашнему же письма кн. Долгорукому и Тимашеву. Работы ужас. Прощайте, обнимаю вас крепко и, повторяю, надеюсь на всю вашу дружбу ко мне.

Ваш неизменный Федор Достоевский¹²⁵.

Тверь, 19 ноября 1859 г.

Дорогой друг мой, Александр Егорович, спешу писать к вам. Разные обстоятельства решительно задержали меня отвечать вам раньше. Да и теперь беру перо, чтобы опять писать о делах.

Когда-то они кончатся, и когда-то я обниму вас всех, моих милых. Я опять к вам с просьбой и дай Бог, чтоб это была последняя! Изучил я вас этими просьбами. Но вы всегда для меня были братом. Не откажите и теперь.

Вот в чем дело: вы пишете, для чего я, имея согласие от Долгорукого и Тимашева на возвращение мое в Петербург, не еду к вам. То-то и беда, друг мой, что нельзя; ибо дело теперь у Государя. Сам же я писал к Нему и теперь уже Он решит. Я, было, думал присхать на некоторое время; потому что если Долгорукий согласен даже на окончательный мой переезд в Петербург, то уже не будет сердиться, если я, в ожидании окончательного решения, присду в Петербург на несколько дней. Я, было, и решился схать и сказал об этом гр. Баранову. Но тот мне отсоветовал, боясь, чтоб я не повредил себе, самовольно воспользовавшись правом, о котором еще так недавно просил и до сих пор не получил ответа. Согласитесь сами, друг мой, что не могу же я схать, если Баранову этого не хочется¹²⁶. А не сказавшись ему, я не мог уехать. Он переслал мое письмо к Государю (через Адлерберга) и просил вручить его от своего имени, следовательно, ручался за меня, как губернатор; а потому, если б я поехал тихонько от него, было бы с моей стороны неделикатно. И потому вот что я придумал и что граф сам мне посоветовал. Именно: написать кн. Долгорукому письмо, в котором я прошу на временный приезд в Петербург, в ожидании окончательного решения по первой просьбе моей, т. е. об окончательном возвращении моем в Петербург. Это письмо Долгорукому и уже написал и отсыпало сегодня же. Причину, по которой я прошу в Петербург, я выставляю денежные мои обстоятельства; т. е., что намерен издать выбор из прежних моих сочинений, что должен сыскать себе издателя, т. е. покупщика, и сделать это непременно лично. Ибо, действуя заочно, много могу потерять, что уже и случалось со мной не раз; а всякая потеря, в настоящем крайнем положении моем, для меня очень значительна. (Все это справедливо и истинно; я хочу посоветоваться с Кушелевым¹²⁷. Он издает и может за мои сочинения заплатить мне порядочно. Да к тому же у меня с ним еще счеты по журналу, и об этом надо поговорить лично. Вот почему я поставил эту причину в письме к Долгорукому, разумеется, не упоминая о Кушелеве). Как вы думаете теперь, дорогой мой? Если согласен был князь Долгорукий даже на возвращение мое в Петербург, неужели откажет, в ожидании окончательного решения, позволить мне присхать на малое время? Думаю, что нет; но могут протянуть ответ. Вот поэтому-то и просьба к вам следующая:

Если можно, дорогой мой, уведомьте Эдуарда Ивановича о том, что я сегодня, 19-го числа, послал письмо к Долгорукому с этой просьбой и уведомьте, по возможности, немедленно. Я бы сам написал Эдуарду Ивановичу; но боюсь, что я уже слишком бесцоклю. Вы — мой брат и друг; с вами я не перемонюсь; мы связаны старыми, хорошими воспоминаниями. А Эдуард Иван-

вич только по крайней доброте своей и по благородству своему обо мне заботится. Так боюсь, так боюсь обесспоконить его через чур! Он так со мной был деликатен, что и мне надо быть с ним деликатным. С другой стороны, я понимаю и его положение. Кто знает, в каких отношениях он находится ко всем этим лицам. Может быть, ему тяжело просить их о чем-нибудь. А потому *главнейшая черта, дух и смысл* моей просьбы к вам: съездите (если только вам возможно) к Эдуарду Ивановичу и посмотрите со всем вниманием, призвав на помощь всю деликатность вашего сердца, — как бы мог принять Эдуард Иванович эту новую просьбу мою? Если увищите, что она сто не отготит, то скажите мне все. Именно: расскажите, в чем дело, что 19-го ноября я послал письмо к Долгорукому с такой-то просьбой и что нельзя ли поддержать это письмо мое к Долгорукому своим ходатайством у него за меня. Если он скажет, что можно, то скажите ему, что мне прямо совестно было написать ему об этом, скажите ему всю правду. Если же вы сами найдете, что я уже слишком беспокою его, — если найдете это, даже еще не езди к нему, то уж и не ездите совсем. Все на ваше усмотрение, друг мой, а на ваше расположение ко мне я полагаюсь. Просьба-то, видите ли, роковая! Могут отказать, могут не ответить и, наконец, могут затянуть дело; могут, наконец, и очень скоро ответить, но отказом. И потому, чтоб не потерять время! Впрочем, все на ваше усмотрение. Кланяйтесь Эд. Ив. и благодарите его от меня. На этот раз прошайте, голубчик мой. Не пишу вам больше ничего. Скоро, может быть, увидимся. Даже брату не отвечаю сегодня — так тороплюсь.

Ваш Ф. Достоевский.

Висбаден, 5 сентября (здесь: *сталик*) 1865 г.

Многоуважаемый и добрый друг Александр Егорович, получили ли вы мое письмо, которое я вам послал с месяц тому назад в Копенгаген? Я совершенно рассчитывал, что вы в Копенгагене, посыпая письмо, потому что написал вам в скорости по выезде мое за границу. Если вы выехали из Копенгагена раньше 10-го июля (нашего стиля) в Россию, то наверно бы отыскали меня в Петербурге. А так как в Петербурге мы не видались, то я наверно рассчитывал, что вы еще не выезжали в Россию (о намерении этом вы мне писали прежде). Следственно (думаю теперь) мы разъехались именно в то время, когда я выехал за границу. — Но может быть, вам мое письмо переслали из Копенгагена в Россию, и в таком случае, может быть, вы и отвечали мне по адресу в Цюрихе, как я вам писал. Но увы! Я засел в Висбадене и в Цюрихе еще не был *потому, что* ^{из} *Копенгагене*.

Есть здесь священник, Янушев ^{из}, который был в Копенгагене. Я случайно с ним здесь, в Висбадене, познакомился и узнал, что он вас знает. Между прочим, он мне сказал, что вы, намереваясь нынешним летом ехать в Россию, говорили, что к сентябрю воротитесь *опять* в Копенгаген. Это дало мне надежду написать

вам опять, и, может быть, этот раз мое письмо найдет вас в Копенгагене.

На этот раз буду писать только о себе и именно об одном только деле. Не сообщайте вы то, что я вам напишу, никому, потому что чувствую, что это отчасти чернит меня. Но так как в таком случае фразы совершенно бесполезны и тяжелы, то и признаюсь вам прямо, — хотя и совестно признаться, — что я, по глупости моей, недели две тому назад *весь проигрался*, т. с. проиграл все, что со мной было ^{из} ^{за}.

Я играл и прежде, с самого приезда моего в Висбаден, но играл счастливо и даже значительно (относительно говоря) выиграл, но по глупости моей свинулся и все проиграл в три дня, и теперь сижу в самом скверном положении, какое только можно изобрести, и из Висбадена не могу выехать.

Я написал в Россию одному преданныму мне человеку (Милюкову) ^{из} ^{и поручил ему постарасться взять у кого-нибудь вперед из издательей для меня в виде задатка будущих трудов. Он это мне обещает непременно, да и сам, может быть, поможет, но письма от него и денег я, по расчетам моим, не могу раньше ждать, как через две недели (от сего числа), и это самое скорое. В ожидании же сижу совершенно без гроша и, что *всего хуже*, должен и отеле. А это уж хуже всего.}

И потому, добрый друг мой, решаюсь обратиться к вам. Слышите меня и вынесите из беды: пришлите мне на самый короткий срок 100 талеров. Этим я здесь расплачусь и тотчас же *ходу* в Париж, где у меня дело и где я отыщу одного человека ^{из} ^{который} наверно там) и который тотчас же мне поможет. Тогда немедленно вам отдам.

Пишу вам наугад, в предположении, что вы в Копенгагене. Но в случае, если вы еще в России, и вам перешлют это письмо, и получите его не позже как через две недели, т. е. *не позже* 19-го сентября здешнего стиля (по нашему 7-го), то все равно, пришлите мне сюда эти 100 талеров, если можете, в Висбаден. Если же позже получите, то и не присылайте. Я потому так нишу, что невольно должен рассчитывать на худос. Милюков ^{из} ^{мне} все устроит, но, во-1-х, он *один* моя надежда в России, а во-2-х, он может не быть в Петербурге, потому что, при расставании нашем, говорил мне, что думает это лето съездить прогуляться в Нижний.

В таком случае, я могу еще долго быть без денег, и поездка моя в Париж, которая для меня слишком важна, может не состояться. А там я и деньги тоже могу достать. Кроме того, здесь я слишком задолжаю, а это чрезвычайно тяжело. И потому, если можете, ради Бога, пришлите.

Потому так обратился к вам, что помню вас прежнего и что в нашей жизни было много моментов, так нас соединивших, что мы, хотя бы и были разъединены жизнью, не может оставаться более друг другу чужды. Вот почему и решился смело признаться вам в этом глупом и малодушном моем поступке. Пусть это между

нами. Насчет же денег думаю, что если у вас есть в эту минуту, то вы не оставите без помощи утопающего.

Если будет у меня какая возможность, заеду непременно в Копенгаген.

Обнимаю вас Ваш искренний Федор Достоевский.

Адрес мой: Allemagne, Nassau, Wiesbaden, poste restante*, а Mr Theodore Dostoevsky¹⁶².

(22 сентября 1865 г.)

Любезнейший и Многоуважаемый Александр Егорович.

Я писал вам уже два письма, на которые не получил ответа. Так и положил, что вы, верно, в России и не сделали распоряжения, чтоб письма высыпались к вам в Россию. Здесь есть при русской церкви священник Янышев. Я с ним познакомился и, разговаривая с ним, узнал, что он был в Копенгагене и вас знает. Он сообщил мне, что вы намеревались схать в Россию, с тем чтоб к сентябрю воротиться в Копенгаген. Имся таким образом хотя некоторую надежду, что это письмо найдет вас уже в Копенгагене, решил я написать вам еще, в третий раз. Авось хоть это письмо дойдет до вас.

Надобно вам сказать, что во втором письме моем я просил у вас помочи. Я весь истратился, задолжал в отеле, кредит мой здесь исчез, и я в самом тягостном положении. То же самое продолжается и до сих пор, с тю только разницей, что вдвое хуже. Между тем, надо схать в Россию, там исстрагасмы добра, а мне ни расплатиться, ни подняться не на что, и я в совершенном отчаянии. Еще немного, и я сделаюсь серьезно болен. Что мне делать, не могу понять!

Надеялся я на мою повесть, которую пишу день и ночь¹⁶³. Но вместо 3-х листов она растянулась в 6-ть, и работа до сих пор не окончена. Правда, мне же больше денег придется, но во всяком случае раньше месяца я их не получу из России. А до тех пор? Здесь уже грозят полицией. Что же мне делать?

Я писал вам и просил, чтоб вы выслали мне 100 талеров¹⁶⁴. Эти деньги теперь уже не помогут мне радикально, но по крайней мере сильно облегчат меня и спасут от сраму. И потому, если можете мне помочь, если вы тот же прежний, добрый друг мой, то не откажите мне в этих 100 талерах. Повесть моя стоит, по теперешним нашим ценам, — минимум 1.000 сереб. и через месяц я наверно вам отдам.

Я до того в тоске, до того измучен заботой, что не в состоянии ничего вам написать более. Простите, добный друг, что вас беспокою. Есть — так помогите.

Адрес мой: Wiesbaden, poste restante, а Mr Theodore Dostoevsky.

Этот адрес на целый месяц.

Крепко жму вам руку

Ваш Федор Достоевский.

Висбаден, 28 сентября 1865 г.

Благодарю вас, бесценный друг, что помогли мне. Вы показали, что вы всегдаший, неизменный друг и что сердце ваше не изменилось с летами. Вы едете в Швецию — вероятно, не надолго. Таким образом, это письмо, может быть, и не застанет вас в Копенгагене. Вот вопрос: застану ли я вас в Копенгагене? Мне бы очень, очень хотелось заехать к вам¹⁶⁵. Но если у меня будет хотя два-три дня в моем распоряжении лишних, и притом при хороших обстоятельствах, — то все-таки я не хочу последовать вашему совету возвратиться в Петербург морем, потому что мне необходимо заехать дня на три в Псковскую губернию (возле самой дороги)¹⁶⁶.

Ваши сто талеров принесли мне пользу отчасти относительную. Так как госпожа Бринкен¹⁶⁷ сама вчера пришла в наш отель вечером и не застала меня дома, то и успела рассказать хозяину отеля, что она должна мне передать письмо с деньгами. А вследствие того сегодня, когда я к ней ходил сам и получил, хозяин, уведомленный о деньгах, отобрал у меня почти все, так что мне осталось десятка полтора гульденов. Это совершенно в здешних нравах, а между тем у меня есть один долг и один расход (выкуп заклада), которые ужасно меня тревожат. Но все равно: авось получу скоро свои деньги, и тогда отданное теперь хозяину будет уже отданное. Autant de gagné*.

Надеюсь, что мне недолго ждать, и однако же все-таки дней 10. Эти 10 дней я проведу в лихорадке. Вот на что я решился: я написал письмо к Каткову, с предложением моей повести в «Русский Вестник» и с просьбою выслать сюда 300 руб. вперед. Но я боюсь очень двух обстоятельств: 1) 6 лет тому назад Катков мне выслал в Сибирь (перед отъездом из Сибири) 500 вперед за повесть, которую еще я ему не послал. (Может, и 1.000 выслал; я забыл, 500 или 1.000). А вдруг потом мы письменно поздоровили и условиях разошлись. Деньги Каткову были возвращены, и повесть, которую тем временем я успел уже выслать, взята на зад¹⁶⁸; 2) с тех пор, в продолжение издания «Времени», были между обоими журналами потасовки¹⁶⁹... А Катков такой человек, что я очень боюсь теперь, чтоб он, припомнив прошлое, не отказался высокомерно теперь от предлагаемой мною повести и не оставил меня с носом. Тем более что я не мог, предлагая ему повесть, сделать это предложение иначе, как в независимом тоне и без всякого унижения.

* Это чистая шагода (фр.).

* по востребованию (фр.).

А, между тем, повесть, которую я пишу теперь, будет, может быть, лучше всего, что я написал, если дадут мне время ее окончить. О, друг мой! Вы не поверите, какая мука писать на заказ. И даже материально невыгодно. Чем слабееешь, тем больше спускается цена. Но что мне делать: у меня 15.000 долгов, тогда как в это время прошлого года у меня не было долгов ни копейки. Я не только пожертвовал для семейства брата своими собственными 10-ю тысячами, но даже надавил векселей и переписал братнико векселя на свое имя. А теперь буду сидеть несколько лет в тюрьме за чужие долги¹⁷⁰. Вот я сам выехал за что будет? А с больным братом Колей?¹⁷¹ Вот я сам выехал за границу, чтобы поправить здоровье и кое-что написать. Написать-то я написал; а здоровье стало хуже; падучей нет, а скрипает меня какая-то внутренняя лихорадка, озноб, жар каждую ночь, и я худею ужасно. Должно быть, простудился. До свидания, друг мой. Адрес мой все тот же: Wiesbaden, poste restante, пожалуйста poste restante.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Деньги, если не успею отдать вам в руки еще до России, отдам в Петербург, как вы назначили.

Я в Висбадене пробуду наверно еще дней десять до ответа от Каткова.

Петербург, 8 ноября 1865 г.

Добрейший и многоуважаемый друг Александр Егорович. Неужели уже четыре недели прошли¹⁷²? Соскучился действительно так. А что я сделал? Странно. По вашему письму вижу, что вы как будто и не подозревали мою записочку парохода из Кронштадта¹⁷³. Так ли? Нанишил! Я вам лишний фунт задолжал. Это была не записка, а несколько слов на пароходном счете. Не хватило фунта, а между тем на карманах мои расходы пошли всего 5 шиллингов (на пиво. Вода была сквернейшая). Явились такие рубрики счета, которых и подозревать нельзя было и избежать тоже. Я и написал на счете вам несколько строк, прося заплатить этот фунт в Копенгагене. Потому что у меня уже ни копейки не было. Неужели они не явились? Переход был спокойный, но притащились мы только на шесть сутки.

Как приехал — сейчас припадок, в первую ночь, — сильнейший. Оправился, дней через пять — другой припадок, сильнее. Наконец, 3-го дня сие, хоть и слабый, но три сряду меня ужасно расстроили. — Тем не менее сижу и работую не разгибая спин. Катков приспал 300 руб.¹⁷⁴ в Висбаден, дома их написал у себя: переслав Янышев. Между тем все на меня обрушилось. Семейство брата (покойного) в полном расстройстве. Только меня и ждали. Все им отдал и кроме того на днях занял еще 100 руб. Что мне делать, не знаю. Совсем стал только с Полонским. Много говорил мне о том, что надо непременно подождать

с журналом¹⁷⁵ и советовал написать роман и еще что-нибудь, чтобы подновить свое имя, и тогда уже начинать. Значит, через год. Насчет же вспоможения качает головой. Но я еще не пробовал, а все хочу еще попробовать. Я буду просить для семейства брата у министра.

В голове у меня есть одно периодическое издание, не журнал. И полезное и выгодное. Может быть, осуществлю в будущем году. Но пока надо роман кончить. Работаю из всех сил, а между тем это запрещено докторами, ибо припадки.

Сейчас вам ничего не могу выслать. Потерпите, добрейший друг. За роман получу не менее 2.500 руб. Отдам. Ведь уж это верно; я и задаток получил. Только бы кончить.

Пальто и плащ пришлю. Может, энчтра же вышлю в Люbeck¹⁷⁶ — что мне делать с Янышевым? Всех моих к 12-му декабря сму надо непременно выслать долг. Тогда, может, и вам тоже вышлю. Но где взять? У Каткова же слишком не политично еще просить вперед. Невозможно. Нелено. Совсем не те у меня отношения.

Полную преданность и беспредельное уважение свидетельствуя вашей супруге. А главное желаю ей здоровья — это главное. Поздравляю с дочерью¹⁷⁷ и целую всех детей, особенно умницу.

До свидания, голубчик и старый друг, крепко жму вашу руку.

Ваш весь Ф. Достоевский.

Все хотел вам писать и все выжидал чего-нибудь положительного. Паша мой здоров и меня не утешает, а брат большой, наверно, скоро умрет — в этом году, может быть¹⁷⁸. Буду вам наверно, скоро писать о всех новостях и планах. Не забывайте меня и вы. У нас снег, санная дорога и Нева становится. Пароходы вряд ли могут быть. Пересяду другим образом. Чемодан получил из Франкфурта. Все стоило 65 руб.

Петербург, 9-го мая 1865 г.

Добрейший Александр Егорович!

Запоздал ответом и спешу наверстать потерянное. Поверьте, друг неизменный Александр Егорович, что совесть меня самого беспокоит, и если в ваше письмо пришло ко мне только недавно — я бы вам тотчас выслал¹⁷⁹. Но смейтесь, что так торопливо. Вот вам мои дела: всю зиму жив анахоретом, работал, расстроил здоровье, жил копейками, а истратил 1.500 руб. — Куда? Да с меня так и рвут! На страстной поехал в Москву и взял у Каткова вперед 1.000 руб. Цель была та, чтобы поскорее поехать в Дрезден, засесть там на 3 месяца и кончить роман, чтоб никто не мешал. Иначе здесь, в Петербурге, невозможно кончить. Припадки усиливаются (чего за границей не бывает), а кредиторы, чем более им плати, тем становятся нахальнее. А между тем они же должны быть мне благодарны, что после смерти брата